

*Проф.-прот. М. К. СПЕРАНСКИЙ,
магистр богословия,
ректор
Ленинградской духовной академии*

СВЯТОЙ АПОСТОЛ И ЕВАНГЕЛИСТ МАТФЕЙ

(Историко-экзегетический очерк)

В 1960 году, 16/29 ноября, Православная Церковь отметила 1900-летие со дня кончины св. апостола и евангелиста Матфея, последовавшей, по преданию, в 60-м году нашей эры. В связи с этим благоговейное чувство к святому евангелисту побуждает и нас посвятить этому юбилейному событию краткий очерк о жизни и деятельности св. апостола Матфея с тем, чтобы оживить в памяти его величественные черты и воздать должное его «болезням и трудам», коими он трудился «во благовестии Христове». А так как лицо и деятельность апостола Матфея не отделимы от его труда — написанного им Евангелия Христова, которое прославило в веках его имя, то в настоящем очерке дается и изображение Лица Господа Иисуса Христа в аспекте Его мессианской деятельности. Иисус Христос — возвешенный древними пророками Мессия составляет, как известно, содержание и специфическую особенность Матфеева Евангелия и отличает его от других апостольских писаний.

Изучение Евангелия от Матфея показывает, что идейное содержание нашего первого канонического Евангелия включает в себе два основных момента: первый — то, что Иисус есть Христос-Мессия, предсказанный пророками, что Он пришел к Своему народу и поэтому Он — Мессия Израильский, национальный; второй момент это то, что Мессия-Христос есть Спаситель всего человечества, Он — Мессия вселенский, Божественный, Он — Господь, Который пришел спасти всех людей, «сидящих во тьме и сени смертной», а поэтому и мессианское служение Господа получает у евангелиста характер универсальный, общечеловеческий и представляется как служение Христа-Мессии всему человечеству.

Осуществление нравственно-мессианского идеала в лице Христа-Эммануила и составляет сущность Евангелия от Матфея, отличающую его от других евангельских повествований. С глубокой древности христианская Церковь всегда и неизменно держалась того убеждения, что наше первое каноническое Евангелие принадлежит апостолу и евангелисту Матфею-мытарю. Нет никаких оснований отрицать или

оспаривать это убеждение: оно было и остается всегдашним и всеобщим преданием Вселенской Церкви.

Другое дело — насколько прочно и научно обоснованно вопрос о принадлежности нашего первого канонического Евангелия апостолу Матфею-мытарю стоит в богословской науке. Здесь имеются различные мнения. Трудно, конечно, ожидать, чтобы от апостольской эпохи, отделенной от нашего времени 19-вековой давностью, сохранились необходимые для научного исследования точные и неоспоримые исторические данные, позволяющие с желательной полнотой и ясностью установить историю происхождения наших Евангелий и принадлежность их тем священным авторам, именами которых они надписаны. Утрата апостольских автографов (т. е. подлинных их рукописей) и отсутствие в самих Евангелиях указаний на их составителей чрезвычайно осложнили работу исследователей в этом направлении и породили в науке ряд гипотез, иногда взаимно исключающих друг друга. Подробный разбор этих различных воззрений не входит в задачу настоящей статьи. наша цель — на основе данных православной богословской науки показать, что общехристианское предание о принадлежности нашего первого канонического Евангелия апостолу Матфею засвидетельствовано многими и весьма авторитетными мужами древности и научно обосновано. К голосу этих авторитетных свидетелей, живших в близкую к апостольскому времени эпоху (II—IV вв.), обязан прислушиваться всякий исследователь, если он хочет быть объективным.

Дошедшие до нашего времени памятники древнехристианской письменности сохранили нам следующие данные о евангелисте Матфее и о написанном им Евангелии.

I. Апостол Матфей (Левий) — писатель первого Евангелия

В Евангелии от Матфея имя апостола Матфея впервые упоминается при описании призвания его на апостольское служение (Мф. 9, 9). Кроме того, оно четырежды упомянуто при перечне апостолов: Мф. 10, 3 и Деян. 1, 13 — на восьмом месте, Мрк. 3, 18 и Лк. 6, 15 — на седьмом месте; и во всех случаях в связи с именем апостола Фомы: в иерархическом порядке то выше Фомы — у Лк. и Мрк., то ниже его — у Матфея.

О призвании Матфея к апостольскому служению согласно повествуют все три евангелиста-синоптика — Матфей, Марк и Лука. Обстоятельства призвания Матфея таковы: после исцеления расслабленного в Капернауме, Иисус, проходя оттуда (из города), увидел сидевшего у сбора пошлин человека, по имени Матфей, и сказал ему «следуй за Мною». И тот встал и последовал за Ним. Все подробности этого эпизода, описанного у Матфея, до буквальности совпадают с повествованием у Марка (2, 14) и Луки (5, 27, 28)¹. Однако при этом сходстве имеется и одно различие: оно касается имени призванного. Так, у первого евангелиста он назван Матфеем-мытарем, у Марка — Левием, сыном Алфея, у Луки ему дана полная характеристика: он мытарь, именем Левий, сидевший у сбора пошлин. Естественно возникает вопрос: кто же был призван из этих двух лиц — Матфей или Левий Алфеев? Обоим призванным лицам евангельским повествованием присваивается одинаковое название их должности — мытарь, но остаются не расшифрованными два различных имени. Для непредубежденного ума нет сомнений в том, что в данном случае речь у всех трех евангелистов идет об одном и том же событии и об одном и том же лице, именно

¹ А именно: событию призвания предшествовало исцеление расслабленного в Капернауме (Мф. 9, 1—7; Мрк. 2, 3—12; Лк. 5, 18—25); призвание произошло при выходе из города; призванный находился при мытнице (место сбора пошлин), он встал и пошел за Иисусом, устроил пир в своем доме и т. п.

мыtare Матфее, которого евангелисты Марк и Лука называют Левием. Таким образом, по смыслу евангельского сказания, Матфей-мытарь и был призван к апостольскому служению. Однако по этому вопросу существует и другое мнение. Его впервые высказали из древних мужей Ориген и Климент; они склонны были утверждать, что Матфей и Левий — два совершенно различных лица. Так, Ориген в своем сочинении *Κατὰ Κέλους* говорит: «Для всех, знающих Евангельские писания, ясно, что Иисус избрал Себе двенадцать апостолов и в их числе был только один мытарь — Матфей. Конечно, можно причислить к последователям Христа и мытаря Левия, но он ведь не был в числе апостолов и считается им разве только в некоторых списках Евангелия от Марка»¹. Очевидно, что Ориген причисляет Матфея к 12 апостолам, а Левия — вообще к ученикам Господа. Также и Климент Александрийский в своем ответе еретiku Гераклиону в числе лиц, получивших спасение и принесших исповедание словом (разумеются апостолы), называет Матфея, Фому, Филиппа и Левия, отличая последнего от Матфея².

Мнение Оригена и Климента о том, что мытарь Матфей и Левий — различные лица, разделяют и некоторые западные ученые нового времени. Они предполагают, что Левий был начальником мытарей, а Матфей — одним из подчиненных ему сборщиков податей и что вечеря, о которой говорят евангелисты, как событие, непосредственно следовавшее за призванием Матфея-Левия (Мф. 9, 10; Мрк. 2, 15; Лк. 5, 29), происходила в доме Левия, причем Матфей был призван к апостольству, а Левий — только к числу последователей Господа³.

Св. Иоанн Златоуст в перечне апостолов называет имена Матфея и Иакова Алфеева и присовокупляет: «оба мытаря»⁴, а блаженный Феодорит признает, что Матфей, сын Алфея, был братом Иакова Алфеева⁵. Однако оба эти мнения не имеют под собой достаточных оснований, а последнее выросло на почве совпадения имен и ничем не оправдывается; у всех евангелистов при перечне апостолов Матфей нигде не поставляется рядом с Иаковом Алфеевым, как это наблюдается при родственных отношениях других пар, как, например, Петр и Андрей, Иаков и Иоанн; следовательно, Евангелие не говорит за родство между Матфеем и Иаковом Алфеевым.

Попытка и древних мужей, и новейших ученых разделить Матфея и Левия, кроме субъективных взглядов, ни на чем не основана, так как невозможно допустить, чтобы призвание Матфея и Левия происходило при одинаковых обстоятельствах; как видно из текста, все обстоятельства, предшествовавшие призванию, и само призвание и последующие подробности сходны до тождества и представляют собой ряд последовательных моментов, составляющих повествование об одном, а не о двух событиях⁶. Итак, остается заключить, что призванный к апостольскому служению мытарь Матфей имел два имени — Матфей и

¹ См. Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Origenes Erster Band. Leipzig, 1899, I. 62, стр. 113. Ориген здесь разумеет манускрипт D (Александрийский), в котором во 2 гл. 14 ст. от Марка в тексте вместо имени Левия стоит имя Иакова. См. греч. перевод Еванг. от Марка. Изд. Е. Nestle, в подстрочнике, p. 88.

² См. Clemens Alexandrinus, Stromata IV, cap. IX, 71. Лейпциг, 1906, p. 280.

³ Это мнение высказывали ученые Grotius, Michaelis, Neander, Hilgenfeld и др. См. о них в труде епископа Василия (Богдановского). Св. Евангелие от Матфея, стр. III, примеч. 2, Киев, 1915.

⁴ Творения св. Иоанна Златоуста, т. 7, стр. 353.

⁵ Из отечественных толкователей к такому мнению приходил епископ Михаил; см. его толкование на Евангелие от Матфея. Москва, 1884, стр. 181. Приложение 2.

⁶ По справедливому замечанию проф. епископа Василия (Богдановского) здесь подобные исторические дубликаты немислимы. См. его «Евангелие от Матфея». Критико-экзегетическое исследование. Киев, 1915, стр. IV введения

Левий. Наличие двух имен было в обычае у древних иудеев, что видно из следующих наблюдений. Так, апостол Петр до своего призвания к апостольству назывался Симон, и Спаситель неоднократно называл этого ученика то Петром, то Симоном, смотря по обстоятельствам момента (Мф. 16, 17—18; 10, 2; Мрк. 3, 16; 8, 29; 11, 21; 14, 37; Лк. 22, 31; Иоан. 21, 15—17 и др.). Апостола Нафанаила называли еще Варфоломеем (Иоан. 1, 45; 21, 2; срав. Мф. 10, 3), Леввея — Фаддеем (Мф. 10, 3), Иоанна — Марком (Деян. 12, 12), Иосию — Варнавой (Деян. 4, 36). Обычай носить два имени не был случайным явлением, но имел за собой известные основания, а именно: второе имя присваивалось его носителю по поводу какого-либо выдающегося события в жизни человека, что видно из следующих фактов. Призвав к высокому апостольскому служению галилейского рыбака Симона, Спаситель Сам переименовал его на Петра (что значит камень, скала), имея в виду несокрушимую, как камень, веру апостола в своего Божественного Учителя (Иоан. 1, 42). Как известно, юноша Иоанн, сын Марии, ученик и спутник ап. Петра, взятый последним в Рим для проповеди Евангелия, получил латинское имя Марка, тогда как еврейское его имя было Иоанн; христианство знает гонителя Савла, впоследствии ставшего ревностным апостолом и благовестником Евангелия Христа Павлом, и т. д. Следовательно, призванный Господом мытарь Левий мог получить другое имя¹, причем были глубокие основания к перемене им своего имени на Матфея. Ведь он был мытарь. Известно, что это была за корпорация людей в древнем еврейском обществе и каким нерасположением пользовались мытари, как откупщики дани для Римского государства. Собирая дань для ненавистного еврейскому народу языческого Рима, мытари тем самым возбуждали в своих соотечественниках непримиримую к себе ненависть и презрение; их считали изменниками Иеговы, как верховного Царя Израиля, которому единственно законно было отдавать десятину, ибо «Бог твой — Царь твой». Поэтому всякая связь с ненавистными узурпаторами власти — римлянами, лишившими еврейский народ политической независимости и посягнувшими на национальную теократическую самостоятельность, не могла быть терпима. Вот почему в глазах иудея-патриота мытарь был синонимом всего греховного, чуждого и враждебного духу национального самосознания еврея: отсюда мытарь и грешник, мытарь и язычник были по суду общественного мнения синонимами (срав. Мф. 18, 17).

Позорное чужеземное иго воспитало у мытаря чувство собственного ничтожества, общее презрение увеличивало это чувство, и все вместе взятое заставляло его прибегать к милосердию Божию (ср. Лк. 18, 14). Таким образом мытарь был более подготовлен к принятию благовестия о возрождающей человека благодати, чем законники-фарисеи. Действительно, с начала проповеди Иоанна Крестителя мы видим мытарей, приходящих к Иоанну, и его голос «покайтесь» нашел отклик в сердце мытарей, и они крестились «крещением Иоанновым» (Лк. 7, 29). А впоследствии, когда они слышали призыв Господа «покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мрк. 1, 15), они изъявили полную готовность к перемене прежней своей греховной жизни и, по слову Самого Спасителя, стали впереди в Царствии Божием закоренелых в законническом консерватизме и считавших себя праведниками фарисеев и книжников² (Мф. 21, 31).

¹ Интересна догадка английского ученого Edersheim'a, который говорит, что имя Levi, по аналогии с Симон и Петр, могло быть природным именем, а Матфея — приобретенным, и что это было в обычае в Галилее, когда человек мог иметь два имени: одно строго иудейское и другое галилейское. См. Dictionary of Christ and the Gospels, Matthew, p. 142.

² Какое поистине христианское величие духа и готовность изменить образ жизни проявил другой мытарь — Закхей: «Господи, половину имущества моего отдам нищим и если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк. 19, 8).

Вполне правдоподобно, что и Левий-мытарь понял, что истинная свобода и слава Израиля заключается не в блеске политической свободы и национальной независимости, как это предсказывали фарисеи, а только — в благовестии Христовом, и поэтому он, по зову Учителя, безоговорочно сразу последовал за Христом, «оставив все», но уже не как мытарь Левий, а как апостол Матфей, этой переменою имени символизируя свое духовное перерождение, ибо слово Матфей значило «дар Божий». Называясь теперь этим именем, Матфей выразил самым делом свою глубокую благодарность за то, что его, презренного мытаря, Божественный Учитель призвал к Себе. Пир в доме Левия явился выражением и благодарности и радости Матфея за столь великую к нему милость Божию.

Это же чувство смирения и своего недостойнства, очевидно, и по свойству его характера, и по признанию проявленной к нему милости со стороны Божественного Учителя, никогда не покидало апостола-мытаря, что, между прочим, видно из того, что в своем Евангелии он ставит себя после апостола Фомы, тогда как у других евангелистов, при перечне двенадцати, он, Матфей, занимает место выше Фомы¹. Эта особенность в его повествовании станет понятной, если обратить внимание на душевное состояние Матфея, из презренного мытаря призванного стать апостолом — конечно, по своему смирению он имел все побуждения считать себя ниже апостола Фомы, который, нужно думать, был призван раньше его. Кроме того, при перечне апостолов он, в противоположность двум другим евангелистам, прибавляет к своему имени слово «мытарь». И самое сочетание имени Матфей с прозвищем мытарь (Мф. 10, 3) не говорит ли о том, что Матфей не мог и не хотел оправдывать себя за свое прошлое, которое в сочетании с новым его именем должно было напоминать читателю кем он был и кем он теперь стал?

Наименование мытаря Левия сыном Алфея, по Ев. Мрк. 2, 14, подало повод некоторым исследователям считать Матфея братом Иакова Алфеева, одного из двенадцати (Мф. 10, 3; Мрк. 3, 18; Лк. 6, 15)². Однако нет серьезных оснований к такого рода признанию: в самом Евангелии имя Матфей не стоит рядом с именем ап. Иакова, как это имеется при перечислении родственных пар апостолов, например, Петр — Андрей, сыновья Ионы. Иаков — Иоанн, сыновья Зеведеевы, нет данных и в других источниках, чтобы эти два имени сближались бы. Только св. Иоанн Златоуст называет Матфея и Иакова мытарями, но и то не братьями³. Несостоятельным следует признать мнение и о том, что Левий-Матфей есть одно лицо с евангельским Нафанаилом⁴. Защитники этого взгляда опираются на апокрифическое Евангелие Петра, в котором явление Воскресшего Господа на Галилейском озере (Иоан. 21 гл.) описывается таким образом: «Я, Симон Петр, и Андрей брат, взяв сети, отправились на море, и был с нами Левий, сын Алфея». Сличая это место с Евангелием от Иоанна, где сказано: «Бяху вкупе Симон Петр и Фома, нарицаемый Близнец, и Нафанаил, иже бе от Каны Галилейския и сына Зеведеова и ина от ученик его два» (Иоан. 21, 2), делают заключение, что под евангельским Нафанаилом здесь евангелист понимает Нафанаила, сына Алфеева, т. е. Матфея. Неосновательность такого утверждения видна до очевидности и не нуждается в особом пояснении; из Евангелия ясно видно, что Матфей и Нафанаил — это два совершенно различных лица, и притом призван-

¹ Мрк. 3, 18; Лк. 6, 15.

² Такого мнения придерживается и еп. Михаил в своем толковании Евангелия от Матфея (см. Предисловие, стр. 6). А из других исследователей Н. Alford в сочин. The Greek Testament. Об этом см. у еп. Василия (Богдашевского), стр. IV, прим. 1.

³ Творения св. Иоанна Златоуста, т. VII, 353.

⁴ Это мнение поддерживают западные ученые А. Pesch и А. Hilgenfeld. См. у еп. Василия (Богдашевского), цит. соч., введение, стр. V, прим. 1.

ных Иисусом Христом в разное время и при разных обстоятельствах. Правда, в перечне апостолов у синоптиков имя Нафанаила не названо, но он так же, как и другие апостолы, носил два имени — Нафанаил-Варфоломей, и имя его во всех евангельских списках стоит на 6-м месте, после Филиппа, а это, очевидно, потому, что он, по Евангелию от Иоанна, был призван непосредственно после Филиппа, который и привел его к Иисусу Христу. Итак, можно с достаточной уверенностью сказать, что изложенные здесь соображения о личности и обстоятельствах призвания евангелиста-мытаря подтверждают содержимое Православной Церковью предание о том, что не кто другой, а именно Матфей и был тем мытарем, которого Господь призвал в начале Своего общественного служения к апостольству и которого удостоил быть в числе двенадцати избранных, «их же и апостолами нарече», как свидетельствует ев. Лука (Лк. 6, 13).

О дальнейшей судьбе, жизни и трудах евангелиста Матфея дошли до нас очень немногие сведения, и они, главным образом, основаны на церковном предании. Так, известно, что апостол Павел во время первого путешествия своего в Иерусалим, а это было около 39 года¹, уже не застал там св. Матфея (Галат. 1, 18—19). Не был апостол Матфей и на I Иерусалимском Апостольском Соборе, который был в 51 г. (Деян. 15, 6—29). Следовательно, можно согласиться со свидетельством Климента Александрийского о том, что Матфей оставался в Палестине 15 лет после Вознесения Господа, до 44 года², а потом, как сообщает Евсевий Кесарийский³, он сперва проповедовал евреям, после же того, как вознамерился отправиться и к другим, написал евреям на отечественном языке их известное под его именем Евангелие. Из этого краткого сообщения отца церковной истории можно только заключить, что св. евангелист, следуя заповеди Спасителя «шедше научите вся языки», не оставался в Палестине, а проповедовал и в других странах, но в каких — Евсевий не указывает. Скудость этих сведений не восполняется и другими писателями-историками, — по вопросу о месте проповеди евангелиста Матфея они высказываются очень неопределенно и неточно. Так, церковный историк Сократ⁴ пишет, что Фома отправился с проповідью к парфянам, а Матфей — в Эфиопию; с этим сообщением согласен и Руфин: в своей Церковной истории он говорит, что Матфей проповедовал в Эфиопии⁵. Метафраст в своих сообщениях подтверждает, что местом проповеди св. Матфея были страна парфян и Эфиопия⁶.

Никифор Каллист (историк XII в.) передает, что Матфей, проходя с проповідью Евангелия и водимый Духом Святым, прибыл в некую *antrophagorum terram*, в город Мурменае, где поставил епископом своего ученика Платона; здесь проповеди евангелиста, по словам того же историка, сопутствовал большой успех⁷, так как она сопровождала

¹ См. Историю Евангелия и Церкви Апостольской. Академические лекции А. В. Горского. Св.-Троицкая Лавра, 1902, стр. 269. По мнению Н. Н. Глубоковского, годом посещения Павлом Иерусалима был 37 г. См. Лекции Н. Н. Глубоковского по Новому Завету, 1907, СПб., стр. 195.

² *Paedagogus* II, c. I.

³ Eusebius. *Kirchengeschichte* III, 24, Leipzig, 1903, p. 246.

⁴ Сократ. Церковная история, I, 19. См. у еп. Василия (Богдашевского), цит. соч., стр. VII введения, прилож. 3.

⁵ Руфин. Церк. ист., X, 9. См. у еп. Михаила. Введение в новозаветные книги Св. Писания. Перев. с нем. соч. проф. Герике «Новозаветная исагогика», стр. 90, прим. 6.

⁶ *In ea divisione orbis terrae quae celebrata est per apostolos, cum aliis provinciae obvenissent Thomae-Parthia, et Matthaeo Ethiopia et ceteris...* Симеон Метафраст. См. цит. соч. еп. Василия (Богдашевского). Введение, стр. VII, прим. 4.

⁷ *Sanctus apostolus evangelio praedicando profectus ad postremo Spiritus Sancti ductu ad antrophagorum terram in civitatem cui nomen est Myrmenae pervenit, in qua Platone sectatore suo episcopo declarato. Nicephori Callisti Ecclesiastici Historia. II, p. 101.*

лась славными его делами. Но это сообщение Никифора Каллиста является единственным во всей церковной истории и не подтверждается другими историческими данными, а потому и вызывает к себе недоверие. Другие древние авторитеты указывают на Македонию, Сирию, Мидию и даже Персию, как на места евангельской проповеди апостола Матфея.

Вероятнее всего, как предполагают некоторые ученые (например, проф. Н. Н. Глубоковский), св. Матфей обращался со своею проповедью к родственным ему по складу ума и по характеру верования семитическим племенам, ближе стоящим к евреям¹.

Таким образом, о жизни и деятельности апостола Матфея наша историческая наука не располагает точными данными, тогда как по вопросу о кончине св. Матфея предание и Восточной и Западной Церкви единодушно утверждает, что св. евангелист окончил свою жизнь мученически: и хотя место, время и образ его мученичества неизвестны, но день его кончины свято празднуется на Востоке 16 ноября, а в Западной Церкви — 21 сентября². Предание сохранило также моральный облик евангелиста. Климент Александрийский в своей книге «Педагог» сообщает, что св. Матфей в жизни был строгий аскет: он не вкушал мяса, а питался семенами, плодами и зеленью³. Это сообщение Климента вполне согласно с характером Матфея, посвятившего себя всецело Богу, что видно из всей его жизни и деятельности и как апостола из 12-ти, разделившего с Божественным Учителем все труды и невзгоды апостольского служения, и как богодухновенного священного писателя, под благодатным воздействием Святого Духа преобразовавшего теократическую идею мессианства в Евангелие благодатного Царства Христова. Вот какую характеристику морального облика и деятельности св. Матфея дает св. Иоанн Златоуст. Он говорит: «Хотя мы и не имели полного описания жизни его, однако и в немногом можно видеть блистательное его изображение. Что он был смирен и сокрушен сердцем, о том слышим от него сами, когда он в Евангелии называет себя мытарем. Что он был милостив, замечаем из того, что отвергся всего и последовал за Христом. Что он был благочестив, это явно из учений его. И по написанному им Евангелию, нетрудно также судить о разуме его и о любви, потому что трудился для целого мира. Доказательством добрых дел служит престол, на котором он имеет воссесть. Мужество же видно из того, что от синедриона он возвратился радуясь»⁴. Нужно ли говорить, что эта возвышенная и глубоко правдивая оценка личности и убежденности св. Матфея есть толос всей Вселенской Церкви о святом евангелисте-мытаре.

II. Евангелист Матфей — автор первого канонического Евангелия, от Матфея

Древнехристианское Предание, начиная со II века, единодушно признает автором нашего первого канонического Евангелия св. апостола и евангелиста Матфея. Это подтверждается как свидетельством христианских мужей древности, так и многими историческими данными.

К числу внешних, наиболее авторитетных, и к тому же ранних по времени сведений об авторстве св. Матфея следует, прежде всего,

¹ См. лекции по Новому Завету проф. Н. Н. Глубоковского, 1907, стр. 196.

² С признанием мученичества св. Матфея согласна и древность, и только, по сообщению Климента Александрийского, гностик Гереклеон утверждал, что св. Матфей скончался естественной смертью. Clemens Stromata. IV, 9, стр. 280, по изд. в Лейпциге, 1906.

³ *Paedagogus* II, c. I, 16, p. 165.

⁴ Творения св. Иоанна Златоуста, изд. С.-Петербургской духовной академии, 1901, т. VII, стр. 493.

отнести сообщение епископа Папия Иерапольского († 165 г.), который по времени жизни близок был к веку апостольскому и о котором св. Иринея, знаменитый отец Церкви († 202), говорит так: «Папий — муж древний, ученик Иоанна (Богослова), друг Поликарпа»¹.

По свидетельству церковного историка Евсевия, Папий говорит о Матфее следующее: «Матфей записал изречения (λογια) Господни на еврейском языке, а толковал их, кто как мог»².

Вторым по времени и по достоинству свидетелем о Матфее, как писателе первого Евангелия, следует признать упомянутого св. Иринея, епископа Лионского. Он пишет: «Так Матфей издал у евреев на их собственном языке писание Евангелия, в то время как Петр и Павел в Риме благовествовали и основали Церковь»³.

Не менее важно и свидетельство Оригена, который говорит: «Из предания я узнал о четырех Евангелиях, которые только одни, бесспорно, принимаются всею поднебесною Церковью. Мне известно, что первое Евангелие написано Матфеем, который некогда был мытарем, а потом апостолом Иисуса Христа, и что он написал его на еврейском языке для уверовавших из иудеев»⁴.

Особенного внимания заслуживает свидетельство Евсевия Кесарийского, который, по обязанности историка, хорошо изучил христианскую литературу, доступную для его времени и, без сомнения, располагал источниками и материалами, которые до нас не дошли. Вот что он говорит в III книге (гл. 24) своей истории по данному вопросу: «Матфей сперва проповедовал евреям и потом, вознамерившись идти к другим, изложил на отечественном их (т. е. евреев. — М. С.) языке известное под его именем Евангелие, для того, чтобы христианам, от которых он удалился, это Писание могло вознаградить недостаток его личного присутствия»⁵.

В другом месте тот же историк говорит о Евангелии Матфея в связи с путешествием христианского ученого Пантена в Индию, где тот, согласно Преданию, у некоторых тамошних жителей, познавших Христа, нашел бывшее у них еще до его прибытия туда Евангелие Матфея. Им проповедовал один из апостолов, Варфоломей, и оставил у них написанное по-еврейски Евангелие от Матфея, «которое и сохранилось до настоящего времени»⁶. К этим свидетельствам о принадлежности первого Евангелия св. Матфею можно присоединить еще свидетельства блаж. Иеронима⁷, Епифания Кипрского⁸, св. Афанасия Великого⁹, который в приписываемом ему сочинении, так называемом *Synopsis*'е, замечает, что Евангелие от Матфея написано Матфеем на еврейском диалекте. Также и блаженный Августин в своем сочинении о согласии евангелистов несколько раз упоминает о Евангелии Матфея, которое, по его словам, написано было, как передает древнее предание, на еврейском языке, а остальные Евангелия — на греческом¹⁰.

¹ Sancti Irenaei Adversus Haereseos, изд. W. Wigan, v. II, l. V, cap. 33, p. 418.

² Eusebius. Kirchengeschichte, III, 39, p. 292. изд. E. Schwartz und T. Mommsen. Leipzig, 1903.

³ S. Irenaei Adv. Haeres., l. III, c. I, p. 3.

⁴ Eusebius. Kirchengeschichte, VI, 25, p. 576.

⁵ Eusebius. Kirchengeschichte, III, 24, p. 246.

⁶ Eusebius. Kirchengeschichte, V, 10, p. 452.

⁷ Matthaeus qui et Levi ex publicane apostolus primus in Indiae propter eus qui ex circumcissione crediderunt evangelium Christi hebraicis litteris verbis que composuit, quod quis postea in graecum transtulerit, non satis certum est. Hieronymi De viris illustribus. Lipsiae, l. III, p. 9.

⁸ Euphania Episcopi Opera. Lipsiae, v. I, XXIX, p. 89; XXX, p. 93.

⁹ См. Введение в Новозаветные книги, § 10. Перев. еп. Михаила, изд. 2. Москва. 1888, стр. 93.

¹⁰ Творения блаженного Августина. ч. 10. О согласии евангелистов, кн. I. Киев, 1906, стр. 3.

Итак, предание о том, что апостол Матфей написал Евангелие, и именно на еврейском языке, опирается на целый ряд свидетельств и притом древних и авторитетных, так что для непредубежденного ума оно является твердо установленным фактом¹.

Тем не менее, древние и новейшие свидетельства в пользу авторства апостола-мытаря в приложении к нынешнему каноническому Евангелию ставят пред исследователем следующие два спорных вопроса: первый касается сообщения Папия Иерапольского о том, что Матфей «собрал словеса (τὰ λόγια συνετάξατο) Господни», или, по другому чтению, «записал изречения Господни» (τὰ λόγια συνεγράψατο); второй — того, что эти «словеса Господни» записаны на еврейском языке. Ученые исследователи (главным образом, западные) по существу этих вопросов построили целый ряд проблем, гипотетических и просто смелых решений, сущность которых может быть сведена к следующим положениям. По первому вопросу, расширявая загадочное сообщение Папия о труде апостола Матфея, который иерапольский экзегет назвал τὰ λόγια, одна часть ученых пришла к заключению, что это произведение есть не что иное, как только собрание речей и изречений Господа; другие допускают, что, помимо дидактического элемента, оно содержало и элемент повествовательный, т. е. некоторые рассказы из Евангельской истории. В этих суждениях подчеркивается главным образом та мысль, что Матфеевы λόγια — произведение, весьма далекое от нашего первого канонического Евангелия, ибо последнее, как известно, представляет собой полноценное произведение, включающее в себя богатый исторический и дидактический материал и, кроме того, дошло до нас не на еврейском, а на греческом языке. Следовательно, говорят эти ученые, названный труд Матфея есть подлинное произведение апостола Матфея, как со стороны содержания, так и по языку, а приписываемая ему же преданием греческая редакция Евангелия от Матфея есть отдельное писание, кроме незначительного сходства (речи, беседы), ничего общего с первым не имеющее. Но так как мнение об авторстве апостола Матфея поддерживается, как мы видели, многими свидетельствами древности, то среди ученых появилась версия о том, что и древние свидетели — Ириней, Ориген, Евсевий, Иероним и другие, когда говорят о Евангелии от Матфея, то понимают под ним не что иное, как λόγια, и именно в Папиевом смысле — ни больше, ни меньше. Этот взгляд на значение λόγια в западной литературе и до сих пор находит своих защитников². Наиболее типичными и характерными выразителями этих взглядов являются W. Allen и A. Plummer. В своих исследованиях по этому вопросу они пришли к заключению, что наше первое Евангелие было написано Матфеем в конце II века. Но что это было за Евангелие? Исследователи отвечают: это были τὰ λόγια (по Папию), то есть собрание изречений (словес) Господних, и написаны они были «in Hebrew».

Однако здесь же утверждается, что, с другой стороны, в Церкви было в употреблении другое Евангелие, Απομυθιον, т. е. безымянное, которое основывалось на Евангелии от Марка и включало Матфеевы

¹ Здесь же уместно привести мнение западных ученых по вопросу о принадлежности апостолу Матфею нашего канонического Евангелия, например, Philip Schaff, в своем популярном комментарии на Новый Завет, пишет, что это Евангелие, т. е. от Матфея, было написано апостолом Матфеем, и что в этом не может быть никакого сомнения. Семнадцать независимых друг от друга свидетельств, в первые четыре века, подтверждают его подлинность. That this Gospel was written by the Apostle Matthew, there is no reason to doubt. Seventeen independent witnesses of the first four centuries attest its genuineness. См. The Gospel according to Matthew. Vol. I, p. 20. Проф. Пауль Вильям Шмидт и Франц фон Гольдендорф придерживаются того же мнения. См. Comment. N., T. Matthew. London, 1882, 5, p. 42.

² Таковы ученые Вейцеккер, Вейс, Гольцман, Бейшлаг, Годе, Реш, Плюммер, Аллен и др. См. у еп. Василия (Богдановского) в цит. соч., Введение, стр. XII.

λόγῳ, и чтобы придать апостольский авторитет этому безымянному Евангелию, на него было перенесено имя апостола Матфея.

Таким образом, с именем апостола Матфея, как утверждают названные ученые, в Церкви знали якобы два Евангелия: одно было написано апостолом Матфеем на еврейском языке, а другое, названное его именем, было компиляцией, или, по терминологии Аллена, безымянным¹ (некоторые называют его и «Перво-Матфеевым»), в состав которого, кроме λόγῳ, входило Евангелие от Марка; это Евангелие имело употребление в Церкви. Но в силу «an irresistible tendency» (неотвратимой тенденции) нужно было санкционировать это безымянное Евангелие апостольским авторитетом, вот почему на это Евангелие и было перенесено имя апостола Матфея, потому что большая часть этого Евангелия состояла из λόγῳ, принадлежащих Матфею². А что касается вопроса, каким образом всеобщее церковное предание приписывает известное нам Евангелие Матфею, если оно не было им написано, западные ученые³ считают, что Матфей являлся одним из проповедников Евангелия среди иудеев и, кроме того, по должности мѣтара, был способен к письму, а поэтому и Евангелие могло быть соединено с его именем, хотя бы он и не участвовал непосредственно в его составлении⁴.

Во всех этих, приведенных нами взглядах западных ученых на происхождение Евангелия от Матфея нельзя не видеть неопределенности и двойственности их суждений: по одним авторитетам (Аллен и др.), с именем Матфея известны два евангельских труда: 1) τὰ λόγῳ, написанные Матфеем на еврейском языке, и 2) «Перво-Матфей» (или Αποπυτοῦς), санкционированный именем Матфея, а по утверждениям других, Матфей не был автором Евангелия, а только оно было ему приписано, как сведущему в письме члену иудейской церковной общины.

Однако при разборе указанных взглядов нетрудно убедиться в крайней тенденциозности их выводов и совершенной их необоснованности⁵.

Прежде всего нужно установить, в каком смысле следует понимать сообщение Папия о том, что Матфей написал «τὰ λόγῳ». Разумел ли иерархический свидетель под этим именем только собрание одних изречений Господа (т. е. слова речи, беседы), без повествовательного исторического элемента, или же, как это признаёт православная традиция, все наше каноническое Евангелие, во всем его объеме?

С полной уверенностью можно утверждать, что христианская древность не знала под названием λόγῳ никакого другого особого писания, отличного от нашего Евангелия. Под выражением Папия τὰ λόγῳ

¹ Этого же мнения придерживаются и новейшие ученые Запада, например, Streeter. См. его сочинение The four Gospels. Origin of Mark and Matthew, part. II. p. 500 sq., London, 1953.

² См. W. C. Allen. The Gospel according to St. Matthew. Edinburg, 1907. p. LXXXI.

³ Д. Штраус в своем сочинении Das Leben Jesu, 1864, стр. 119, а также Кейм в своем труде Geschichte Jesu von Nazareth, 1867, I, стр. 67. См. соч. свящ. Т. Буткевича «Жизнь Господа Иисуса Христа», СПб., 1887, стр. 141.

⁴ Так, например, смотрит на авторство Матфея один из новейших западных ученых Килпатрик. В своем труде «The origins of the Gospel according to St. Matthew» он пришел к заключению, что писателем Евангелия от Матфея не мог быть ап. Матфей; им мог быть писец, занимавший видное положение в Церкви, членом которой он был, хорошо знакомый с традициями и взглядами иудейства и обладавший даром литературного творчества. А то, что он написал свой труд именем St. Matthew, продиктовано было желанием общины придать авторитет его труду. См. 139 стр. его соч.

⁵ Следует заметить, что значение слова λόγῳ, по суждению профессора Н. Н. Глубоковского, есть камень преткновения, соблазна и пререкания в экзегетике; и в поисках разумного и надлежащего смысла этого слова ученые построили столько догадок и предположений, что утратили способность понимать его прямой и непосредственный смысл. См. Глубоковский Н. Н. Лекции по Св. Писанию Нового Завета, 1907, стр. 200.

συνεγρᾶτο Церковь всегда признавала наше нынешнее каноническое Евангелие и ничего больше. Все приведенные нами выше свидетели в своих суждениях о Евангелии от Матфея нигде не говорят о λόγια Папия, как об отдельном писании, а отождествляют его с тем Евангелием, которое Церковь всегда считала принадлежащим апостолу Матфею. Ни Ориген, ни св. Ириней, ни блаж. Иероним, ни блаж. Августин, ни Евсевий Кесарийский, ни св. Епифаний, ни другие свидетели древности нигде не указывают на то, что им, помимо Евангелия от Матфея, было известно какое-то другое писание, говоря о котором, Папий Иерапольский и называет его загадочным термином λόγια.

Но можно ли под указываемыми Папием τὰ λόγια разуметь наше каноническое Евангелие в полном его объеме?

Если мы обратимся к историческим аналогиям, то увидим, что словом λόγια обозначались не отдельные фрагменты того или другого произведения, а весь труд. Например, Евсевий Кесарийский, которому мы обязаны сообщением о Папии, говорит, что сам Папий свое произведение, известное под названием «Изъяснение Господних изречений», — а в нем были собраны не только слова Господа, но помещено немало и повествовательного или исторического элемента, — назвал «λογίων κυριακῶν ἐξηγήσεις». Следовательно, этим выражением он обозначал не одни изречения. В этом его произведении рассказывается, например, о смерти Иуды предателя, о чуде воскрешения мертвого, которое он, Папий, слышал от дочерей апостола Филиппа, и о чуде с Иустом Варсавою, когда тот выпил яд и остался, по благодати Господа, живым¹.

У апостола Павла словом λόγια обозначается или все учение Христово, как, например, в Послании к Евреям он пишет: «вас снова нужно учить первым началам слова Божия» (Евр. 5, 12, см. по изд. E. Nestle), или весь Ветхий Завет, как, например, в Послании к Римлянам, где он пишет: «великое преимущество» быть иудеем, ибо «им вверено слово Божие» (Римл. 3, 2, см. по тому же изд.).

По мнению проф. Н. Н. Глубоковского, весьма вероятно, что имя ὁ αὐτὸς ἰσχυρὸς идет от самих апостолов, так как такое название благовестия Христова Евангелия впервые встречается у евангелистов — см. Мф. 4, 23; 24, 14; Мрк. 1, 1; 16, 15; однако в первое время это обозначение не настолько специализировалось, чтобы исключать всякие иные обозначения наших первых четырех Евангелий. Так, св. Иустин философ мученик, который использует наши Евангелия в своих апологиях, нередко называет их «Ἀποκνημωμένα τῶν ἀποστόλων», т. е. воспоминаниями апостолов и, что особенно примечательно, это обозначение употребляет в тех местах, где приводимые им тексты до буквально-сти совпадают с синоптиками и с Иоанном².

Можно сделать и другие наблюдения, показывающие, что под термином λόγια у древних писателей часто подразумевалось целое произведение, например, Климент Римский в 1-м Послании к Коринфянам под этим названием разумеет Священное Писание, когда пишет: «Вы знаете, возлюбленные, и хорошо знаете, Священные Писания и разумеете слова Божии»³.

В приписываемом ему же так называемом втором Послании к Коринфянам τὰ λόγια τοῦ Θεοῦ отождествляется с тем, что λέγει ὁ Κύριος⁴.

Иосиф Флавий словом λόγια обозначает τὰ γράμματα⁵ и св. Ириней под именем τὰ λόγια τοῦ Κυρίου разумеет Евангелия.

¹ См. Eusebius, Kirchengeschichte, III, 39, pp. 284, 289.

² См. у Н. Н. Глубоковского, Лекции по Новому Завету, 1907, стр. 200.

³ Творения св. Климента Римского. Рус. перев. прот. П. Преображенского, СПб., 1895, стр. 106.

⁴ См. Лекции Н. Н. Глубоковского, стр. 203.

⁵ De bello iudeorum. VI. 5. 4; см. у Н. Н. Глубоковского, цит. соч., стр. 203.

В дошедших до нас писаниях мужей апостольских мы находим многочисленные изречения, заимствованные из Евангелия от Матфея, причем именно из греческого перевода его, известного и канонизованного Церковью, а не из какого-либо другого труда апостола.

Правда, эти изречения не носят характера ссылок на текст Евангелия от Матфея, но их предметное содержание, выраженное в большинстве случаев подлинными словами Спасителя и находимое в теперешнем нашем Евангелии от Матфея, не оставляет никакого сомнения в том, что мужи апостольские хорошо знали и пользовались в своих литературных трудах этим каноническим Евангелием в его греческой редакции. Таковые изречения, заимствованные из Евангелия от Матфея, находятся в послании апостола Варнавы, например: «всякому просящему у тебя давай» (Мф. 5, 42); «будем внимательны, чтобы не оказаться, как написано, многими званными, но немногими избранными» (взято, очевидно, из Мф. 20, 16; 22, 14); «Господь пришел не праведников, а грешников призвать к покаянию» (Мф. 9, 13). Особенно много этих изречений из Евангелия от Матфея у Климента Римского, Игнатия Богоносца, Поликарпа Смирнского, в «Пастыре» Ерма. в «Дидахи», у Диадокха и в других письменных памятниках древности.

Из приведенных выше высказываний мужей древности и из дошедших до нас памятников древнехристианской письменности со всей очевидностью можно утверждать, что они были знакомы с греческой редакцией нашего теперешнего Евангелия от Матфея и никакой другой редакции не знали и ею не пользовались, очевидно потому, что ее (другой редакции) и не существовало. И когда названные древние мужи в своих писаниях упоминают о Евангелии от Матфея, то они без всякого сомнения разумеют то единственное, какое было известно и Папию и которое он назвал *τὸ λόγιον*. И если бы этот труд был другим писанием, а не нашим Евангелием от Матфея, то почему такой знаток древней христианской письменности, каким был Евсевий, в своем знаменитом каноне новозаветных книг, с подразделением их на четыре группы, нигде не упоминает о *λόγιον*¹, как об особом труде Матфея, помимо Евангелия? Очевидно потому, что *λόγιον* и Евангелие от Матфея тождественны, или, точнее, являются одним и тем же каноническим творением Матфея.

В объяснение же того, почему Папий Евангелию от Матфея усвоил название «слова Господни», следует сказать, что этим названием он, очевидно, хотел отметить особый характер этого Евангелия, как это можно заключить из следующего сопоставления. Так, Папий, говоря о труде Марка², также не называет его Евангелием; он дает характеристику этого Евангелия в том смысле, что Марк, не заботясь о хронологическом порядке, с точностью только записал слова и деяния Христова (*τοῦ Κυρίου ἡ λεγόμενα καὶ πραθέντα*).

Совершенно очевидно, что эти, по выражению Папия, *λεγόμενα καὶ πραθέντα* обнимают все содержание канонического труда Марка и притом определяют его с качественной стороны, как содержащее в себе повествование о делах Господа и Его словах. Давая такую характеристику, Папий, очевидно, хотел оттенить особый, специфический характер писания Марка, изложившего дела и слова Господа не в хронологическом порядке, а так, как припоминал. А отсюда и *τὸ λόγιον* Матфея у Папия означает не только слова и речи Господа, но и все содержание Евангелия Христова; подобно тому, как второй евангелист стремится воспроизвести слова и дела Господа, и в этом характер-

¹ Хотя, как известно, Евсевий в своем каноне новозаветных книг дает подробное перечисление их по названиям и характеристикам, по их качеству и достоинству (прим. авт.).

² Eusebius, Hist. Eccl., III, 39.

ная особенность его Евангелия, так и апостол Матфей сосредоточивает свое внимание преимущественно на словах Господа, т. е. более или менее пространных речах, превосходящих τὰ λεχθέντα Марка и своим объемом, и своей формой.

В этой сравнительной характеристике трудов Матфея и Марка открывается истинный взгляд Папия на λόγια, и результат будет такой: если Марк в своем Евангелии изложил не по порядку, а как запомнил, дела и слова Господа, то Матфей в связной композиции записал слова Господни, и вот, подобно тому как под Марковым λεχθέντα καὶ πραχθέντα Папий обозначает все Евангелие Марка (в таком понимании никто из исследователей не сомневался), так, позволительно думать, и Матфеев труд, названный Папием τὰ λόγια, обозначает все наше первое каноническое Евангелие¹.

Другой пункт свидетельства Папия касается языка, на котором был написан труд Матфея; по сообщению Папия, Матфей писал εβραϊστὶ (διὰλέκτω) — на еврейском языке.

Это сообщение Папия подтверждается многочисленными свидетельствами древних писателей: св. Ириней Лионского, Оригена, Евсевия, св. Епифания Кипрского, св. Кирилла Иерусалимского, блаж. Иеронима и других, которые в своих высказываниях признают, что Матфей написал свое Евангелие первоначально на еврейском языке.

Что же это был за язык, на котором было первоначально написано Евангелие Матфея? Оставляя в стороне различные мнения ученых по вопросу о характере и лексике этого языка, ввиду их чрезвычайного разнообразия и неопределенности, следует сказать, что наиболее научно обоснованным является мнение, что первоначальным языком, на котором св. Матфей написал свое Евангелие, был язык арамейский, который с конца III в. до Р. Х. был общепринятым в Сирии, Палестине и пограничных с ними странах, так как древнееврейский язык к тому времени утратил свое жизненно-бытовое значение, стал недоступным для простого народа и сделался языком школы и богослужения. Поэтому большинство ученых считают, что апостол Матфей писал по-арамейски, т. е. на том языке, на котором тогда говорили. По преданию, и Спаситель, и апостолы говорили по-арамейски.

Есть, однако, мнение, что евангелист Матфей написал свой труд на священном еврейском языке², потому что ἡ εβραϊστὶ διὰλέκτωс более соответствовал такому высокому произведению, как Евангелие Христово, которое и для писателя (ап. Матфея), и для читателя было священным

¹ Проф. Н. Троицкий в своем труде о происхождении первых трех канонических Евангелий, критикуя взгляд Эвальда на значение слова λόγια, говорит, что оно означает не изречения только, а и беседы с историческими введениями, т. е. с указанием, по каким обстоятельствам они были произнесены; это, именно, небольшие рассказы, из которых видно, по какому поводу, когда и где произнесены были эти беседы. Каноническое Евангелие от Матфея почти все состоит из таких бесед, а все беседы Спасителя происходили при различных обстоятельствах, и все дела Его сопровождалось речами или изречениями Его и посторонних лиц — ответами, беседами и т. п.

Так, например, Крещение Христа сопровождалось беседой с Иоанном Предтечей; искушение в пустыне — беседой с искушителем и т. п. Таким образом, труд Матфея, названный Папием собранием бесед Христовых, не исключает, а необходимо предполагает наличие в нем и повествовательного элемента, тех исторических обстоятельств, при которых Его речи и беседы были произнесены. Понятно, что речи здесь остаются главным и существенным, поскольку Папий дал такое название труду Матфея, ибо оно соответствует главному предмету евангельского писания: в нем, в большей его части, содержатся беседы, а в меньшей — рассказы; причем в большинстве и самих рассказов содержатся также речи Христа с указанием исторических обстоятельств их произнесения. Итак, τὰ λόγια Матфея — труд повествовательно-исторический. «О происхождении первых трех канонических Евангелий. Опыт разбора гипотез Г. Эвальда и Ю. Гольдмана». 1878, Кострома, стр. 495—497.

² См., напр., мнение проф. епископа Василия (Богдашевского), цит. соч., стр. XVIII Введения.

сборником, содержащим в себе святую истину Божественного Откровения, сообщенную Самим Господом Иисусом Христом.

«Поэтому, — как говорит проф. Н. Н. Глубоковский, — позволительно думать с достаточной научной точностью, что апостол Матфей писал по-еврейски»¹. По компетентному его мнению, не только отцы и учителя Церкви первых двух веков не читали еврейского оригинала труда Матфея, — как мы видели в их характеристиках его Евангелия, — но и сам Папий сообщает об этом, как о твердом и распространенном веровании своей эпохи: он, очевидно, не имел под руками еврейского подлинника и сливает его с существовавшим тогда греческим Матфеевым Евангелием. Тогда понятным становится выражение Папия, что «переводил его каждый, кто мог», т. е. прежде его толковал всякий, как мог, а теперь этого нет, ибо оно понятно всякому в греческом изложении. «Ясно, — говорит проф. Н. Н. Глубоковский, — что и первое и второе у Папия отождествляются. Значит, по мнению Папия, греческий Матфей есть точный перевод еврейского труда»². Нельзя не согласиться с этим мнением проф. Н. Н. Глубоковского, да и другие исследователи по вопросу об отношении еврейского оригинала к греческому Евангелию Матфея придерживаются того же мнения. Блаж. Иероним определенно говорит по этому поводу: «Неизвестно, кто перевел его (еврейский оригинал) на греческий язык»³.

В связи с этим возникает вопрос о судьбе этого еврейского труда апостола Матфея — где и у кого он сохранился и почему греческая редакция этого труда со временем вытеснила свой подлинник?

Как ни скудны дошедшие до нас исторические данные о еврейском оригинале Матфеева труда, все же предание и история сохранили об этом некоторые сведения.

Так, св. Иринея сообщает, что иудео-христианская секта эвионитов пользовалась только Евангелием от Матфея⁴. Что это было за Евангелие?

Историк Евсевий прямо называет это эвионитское Евангелие *secundum Hebraeos* и также говорит, что эвиониты пользуются им одним, все же другие отвергают⁵.

Св. Елифанний Кипрский лишет об эвионитах, что они принимают Евангелие от Матфея, подобно последователям Керинфа, одним им пользуются, но называют его «Евангелием от Евреев». Тот же св. Елифанний свидетельствует, что у секты назореев имеется также Евангелие, но более полное по сравнению с эвионитским⁶. Таким образом, Елифанний различает две редакции этого еврейского оригинала: одну у назореев — более полную, и другую у эвионитов — более краткую. Отсюда ясно, что, по сознанию Елифания, оба документа были одного и того же происхождения и корня, но различных редакций⁷.

Дальнейшие наблюдения над судьбой так называемого «Евангелия от Евреев» показывают, что его знал, например, Пантен, александрийский ученый: по сообщению Евсевия, Пантен некогда ходил с апостольской проповедью в Индию и там нашел у христиан написанное на еврейском языке (Еврейское) Евангелие от Матфея, которое тамошним жителям оставил апостол Варфоломей, проповедовавший им о

¹ См. об этом у Н. Н. Глубоковского. Лекции по Новому Завету, 1907, стр. 208—210, а также его очерк «Библейский греческий язык в писании Нового Завета» (перев. соч. проф. А. Дейсмана).

² Лекции Н. Н. Глубоковского, стр. 212.

³ De viris illustribus, I. III, p. 9.

⁴ «Solo autem eo quod est secundum Matthaeum Evangelio utuntur». Irenaei Adversus Haereseos, I. I, cap. XXVI, p. 269.

⁵ «Utuntur et evangelio uno quodum, cetera omnia nihilo ducunt». Eusebius, H. E., I. III, cap. 27.

⁶ Eriphanii Episcopi Opera. Lipsiae, v. I, XXIV, p. 89 и XXX, p. 93

⁷ См. Лекции проф. Н. Н. Глубоковского, стр. 216—217.

Христе¹. Другой свидетель той же эпохи Егезипп (по словам Евсевия, живший в эпоху, близкую к апостольскому веку) в своих воспоминаниях приводит выдержки из «Евангелия от Евреев»².

Кроме указанных выше церковных писателей, которые близко соприкасались с этим Евангелием, им пользовались некоторые отцы и учителя Церкви; так, Папий Иерапольский, по свидетельству Евсевия, кое-что заимствовал из него³; то же самое и Климент Александрийский в своих Строматах⁴. Ориген цитирует его с оговоркой: «Если кто-либо его принимает, если кому-либо оно нравится»⁵. Следы Евангелия от Евреев находили у св. Игнатия Богоносца, в его Послании к Смирнянам⁶, и у св. Иустина мученика, в его Беседе с иудеем Трифоном. Евсевий говорит, что его особенно любят принявшие Христа иудеи. Св. Ириней решительно утверждает сектантский характер этого Евангелия и находит в нем эвонионитские воззрения (напр., естественное рождение Христа)⁷.

Блаж. Иероним, как известно, перевел Евангелие от Евреев на латинский язык и заслужил за это упрек от Феодора Мопсуэстийского, и хотя он был склонен находить в этом назорейско-эвонионитском памятнике отзвук еврейской речи апостола Матфея, однако решительно свидетельствует, что ему был известен греческий перевод этого Евангелия, за которым он и признает достоинства канонического⁸. Из приведенных свидетельств явствует, что в христианской древности было твердое убеждение в том, что евангелист Матфей первоначально написал свое Евангелие на еврейском (арамейском — по одной версии, и древнееврейском — по другой) языке; однако во всеобщем употреблении в Церкви это Евангелие вскоре было заменено греческим его переводом, который признан за каноническое Евангелие. Еврейский оригинал этого Евангелия был утрачен, и никто из древних церковных писателей его не видел. Зато было с именем евангелиста Матфея другое Евангелие на еврейском языке — «Евангелие от Евреев»; как оно образовалось, неизвестно. Имеющиеся немногочисленные данные

¹ См. о проповеди ап. Варфоломея выше, на стр. 12.

² См. у свящ. Т. Буткевича, цит. соч., стр. 130.

³ См. у Евсевия в Церк. Ист. Папий рассказывает о жене, которую за многие преступления обвинили пред Господом, — о чем написано и в «Евангелии от Евреев».

⁴ Строматы II, стр. IX, 15. Русск. перев., стр. 215. Климент Александрийский приводил одно место из «Евангелия от Евреев»: «и в Евангелии от Евреев написано: «кто удивится, тот будет царствовать, а кто будет царствовать, тот успокоится»».

⁵ Ориген приводит одно место из «Евангелия от Евреев», говоря, что в рассказе о богатом юноше в нем добавлены такие подробности: на слова Спасителя идти продать имение и следовать за Иисусом Христом юноша-богач «стал чесать голову» и т. п.; встречаются в этом Евангелии и другие вульгаризмы и еретического характера подробности. См. Лекции Н. Н. Глубоковского, стр. 216.

⁶ Св. Игнатий Богоносец. Послание к Смирнянам, гл. III, стр. 303 по русск. перев. прот. П. Преображенского «Писания мужей апостольских». Здесь читаем: «И когда Он (Спаситель) пришел к бывшим с Петром, то сказал им: возьмите, осыжите Меня и посмотрите, что Я не дух бестелесный». Эта евангельская глосса не содержится ни в одном каноническом Евангелии, а, по свидетельству ученого Герике, Иероним находит это место в «Евангелии от Назореев». См. прим. 1 в цитир. труде прот. П. Преображенского.

⁷ Adv. Haereseos, I, III, p. 248.

⁸ Творения блаж. Иеронима Стридонского. De viris illustribus... В рл. III Иероним пишет, что Матфей первый в Иудее для уверовавших из обрезанных написал Евангелие Христово еврейскими буквами и словами. Это еврейское Евангелие во время Иеронима находилось в Кесарийской библиотеке. Иероним также имел случай описать Евангелие от Назореев, которые в сирийском городе Верее пользуются этой книгой. Из этого Евангелия Иероним приводит несколько изречений, которые явно имеют апокрифический характер. А замечание Иеронима «само же Евангелие находится доселе в Кесарийской библиотеке» показывает, что Иероним под ним не разумел подлинного арамейского Евангелия Матфея, а Евангелие, уже извращенное назореями. См. у еп. Василия (Богдановского), цит. соч., стр. XXII—XXIII Введения.

позволяют с некоторой вероятностью утверждать, что это первоначальное Евангелие Матфея осталось у христиан из евреев. С течением времени, когда в среде христиан из евреев возникли секты назореев и эвониотов, это Евангелие, содержащее ими, постепенно утратило чистоту евангельского учения, так как оказалось искаженным и по тексту и по содержанию, — в него влились еретические воззрения. Притом все это происходило так, что оказались две редакции этого Евангелия: одна — так называемая назорейская, а другая — эвонитская. По отношению к своему источнику — «Евангелию от Евреев», обе эти редакции являются значительно искаженными и поврежденными, причем то Евангелие, которое сохранилось у секты назореев, есть поврежденное «Евангелие от Евреев», а Евангелие эвониотов есть уже искаженное этими еретиками назорейское «Евангелие от Евреев»¹.

Таким образом первоначальный еврейский оригинал Евангелия от Матфея был утрачен, что, впрочем, не отразилось на чистоте христианской веры, изложенной в нашем первом Евангелии, так как сохранился древнейший верный перевод этого еврейского оригинала, признанный Церковью каноническим Евангелием. Более того, по всеобщему убеждению христианских экзегетов, этот греческий перевод настолько близок к своему еврейскому оригиналу, что совсем устранил его, конечно, не по содержанию или по каким-либо другим преимуществам, а по тому, что, будучи тождественным ему во всех своих частях по содержанию, выгодно отличался общедоступностью своего языка — греческого, вместо еврейского, на котором был написан оригинал. Исследователи отмечают и другие достоинства греческого перевода и его, так сказать, аутентичность: как видно из теперешней его редакции, перевод представляет собою пунктуальную копию, и эта копия представляет собою целостное произведение, проникнутое и единством материальных средств и одинаковостью во всех частях и на всем протяжении грамматического и лексического аппарата.

Ввиду таких достоинств перевода, естественно предположить, что переводчиком еврейского труда ап. Матфея был он сам или кто-нибудь из авторитетнейших членов первохристианской Церкви, способный к выполнению этого труда. Впрочем, по вопросу о личности переводчика существуют следующие предположения и догадки. Так, св. Афанасий Великий таковым переводчиком считал Иакова, брата Господня². Блаж. Феофилакт и Евфимий Зигабен — ап. Иоанна Богослова³. В древней-

¹ Здесь уместно привести мнение проф. Н. Н. Глубоковского и А. В. Горского о «Евангелии от Евреев». «Евангелие от Евреев», по взгляду Н. Н. Глубоковского, имеет значение для нас, как памятник первохристианского сектантства и иуданстического направления. «Евангелие от Евреев» — подлинно человеческое, а не богодухновенное творение и как таковое оно имело огромные ошибки и послужило орудием в руках фальсификаторов еретического направления. С вульгаризмами его изложения и нелепыми подробностями содержания мы отчасти знакомы; следует указать и на гностический характер этого «Евангелия»: так, по поводу описания события Преображения Господня, Ориген приводит из него такой вариант: «И взяла меня мать — дух святой за один из волос моих и отнесла меня на гору великую Фавор». В этом сообщении нельзя не видеть учения гностиков о сизигийных парах, в которых один член мужского пола, а другой — женского, так что это выражение показывает, что Евангелие подверглось обработке в духе гностических тенденций. См. Лекции Н. Н. Глубоковского, стр. 223, СПб., 1907. В таком же духе высказывается по поводу «Евангелия от Евреев» А. В. Горский. Он только добавляет, что из всех апокрифических евангелий, а их имеется несколько, это «Евангелие» ближе всех стоит к каноническим. См. акад. лекции А. В. Горского «Евангельская история». Сергиева Лавра, 1902, стр. 379.

² *Evangelium secundum Matthaeum ab ipso Matthaeo hebraico dialecto conscriptum est... et interpretante Jacobo fratre Domini secundum carnem expositum.* См. у еп. Василия (Богдасhevского), XXIV стр. Введения.

³ Сказав первоначально о том, что Матфей первым написал наше Евангелие на еврейском языке, спустя 8 лет после Вознесения на небо Иисуса Христа, Евфимий дальше сообщает, что Иоанн (разумеет ап. Иоанна Богослова), как говорят, перевел его с еврейского языка на греческий. См. Евф. Зигабен. Толковое Евангелие от

ших манускриптах указывается и на ап. Варфоломея. Блаженный же Иероним гозорит, что неизвестно, кто перевел текст Евангелия на греческий язык.

Характеризуя перевод с точки зрения грамматики и, особенно, лексикой, исследователи отмечают, что переводчик наряду с греческой речью допускает и еврейскую, например, вместе с греческим «Учитель» сохранилось и еврейское «Равви»; среди слов Спасителя на кресте записаны и арамейские: «Илий, Илий, лимá савахфанí», и т. д. Эти наблюдения позволяют с вероятностью признать, что переводчиком не был грек, иначе он не допустил бы еврейских слов; следовательно, таковым был образованный еврей, хорошо знавший греческий язык и в переводе допускавший такую вольность, в уверенности, что его способны понять и читатели. А то обстоятельство, что греческий перевод очень рано вытеснил еврейский оригинал, позволяет с вероятностью заключить, что переводчиком был сам евангелист Матфей и что наше греческое Евангелие есть буквальный перевод еврейского подлинника¹. Следует заметить, что не кто другой, а именно евангелист Матфей имел все побуждения к тому, чтобы самому осуществить этот перевод, и именно ввиду того, что, вознамерившись идти к другим народам с евангельской проповедью (как свидетельствует об этом историк Евсевий), он, по просьбе остававшихся христиан, написал свое Евангелие, которое должно было восполнить его отсутствие, а так как, написанное на еврейском языке, оно не могло удовлетворить не знавших этого языка, то, естественно, явилась необходимость перевести его на общепотребительный язык — греческий, что, конечно, и мог сделать сам автор.

III. Время написания первого Евангелия

По вопросу о времени написания Евангелия от Матфея в богословской науке нет точных данных, позволяющих установить календарную дату написания его. Опираясь на церковное предание и некоторые исторические данные, здесь можно говорить только о границах времени его появления, то есть наше первое каноническое Евангелие написано в период времени *ab quo — ad quem*.

Все, что известно о времени написания Евангелия, сводится к следующим данным. Обращаясь к свидетельству церковного предания, можно установить, что евангелист Матфей первый положил начало евангельской письменности и что его Евангелие было известно ранее других синоптических повествований². Это подтверждает св. Иринеи Лионский³, Климент Александрийский⁴, Евсевий Кесарийский⁵, Ориген в своих гомилиях на Евангелие от Матфея⁶, Епифаний Кипрский⁷,

Матфея. Кнев. 1886, стр. 3. См. также Благовестник блаж. Феодилakta, архиеп. Болгарского. СПб., стр. 10. Об Иоанне Богослове, как переводчике Евангелия от Матфея, находим указание в надписях к Евангелию. См. Н. Soden. Die Schriften N. T. Berlin, 1902, p. 298.

¹ Мнения о том, что переводчиком арамейского оригинала Матфеева труда на греческий язык был сам апостол Матфей, придерживаются из западных ученых Ф. Герике, Шварц, Г. Бенгель, Шотт и др. См. об этом у еп. Михаила, цит. труд, § 10, стр. 94, прим. 8.

² Не на это ли намекает евангелист Лука в прологе к своему Евангелию, когда говорит, что будет писать о евангельских событиях так, как «передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова»? К числу этих очевидцев и служителей, несомненно, принадлежал и апостол-мытарь, бывший в числе 12 и потом удостоившийся быть свидетелем всего «яже сотвори Иисус».

³ Irenaei, Adversus Haereseos, III, 1.

⁴ Климент Алекс. у Евсевия в «Церк. ист.». «Из Евангелий прежде написаны те, которые содержат в себе родословие Иисуса Христа». Кн. 6, гл. XIV, стр. 315.

⁵ Евсевия «Церк. ист.», кн. III, гл. 24.

⁶ См. Eusebius. Hist. Eccl., изд. Шмидта и Моммсена, т. VI, сар. 25, p. 577.

⁷ Eriphanii Episcopi Opera, v. I, p. 454.

св. Иоанн Златоуст¹, блж. Иероним², блж. Августин³ и др. Всеобщим было и мнение о том, что Евангелие от Матфея было написано прежде ухода апостола из Палестины⁴.

Свидетельство Евсевия Кесарийского о том, что Матфей, вознамерившись идти к другим народам, изложил известное под его именем Евангелие, слишком неопределенно и ничего не дает для определения времени написания. Обращаемся к другим источникам. Так, в некоторых манускриптах⁵ и в хронике Евсевия, обработанной Иеронимом, происхождение Евангелия относится к 41 году⁶. Феофилакт Болгарский⁷ и Евфимий Зигабен⁸ указывают на восьмой год по Вознесении Господа. Никифор Каллист⁹ говорит, что время написания — 15-й год по Вознесении. Важнейшим свидетельством о времени написания Евангелия считается свидетельство св. Иринея Лионского. Он замечает: «Так, Матфей, проповедовавший у евреев, на их же наречии издал и евангельское писание в то время, когда Петр и Павел в Риме благовествовали и основывали Церковь. После их отшествия Марк, ученик и истолкователь Петра, передал нам письменно то, что проповедовал Петр». Согласно этому свидетельству, первое Евангелие не могло появиться раньше 61 года (*terminus ab quo*), когда ап. Павел прибыл в Рим; отсюда, блж. Иероним устанавливает время написания Евангелия Матфея в период после 61 года и до 64 года, года кончины ап. Петра¹⁰. По поводу сообщения св. Иринея, проф. Н. Н. Глубоковский говорит, что св. Иринея словами «издал евангельское писание» хочет сказать о распространении уже ранее составленного благовестия и одновременно указывает на параллелизм деятельности апостолов Матфея, Петра и Павла, а именно: в ту пору и подобно тому, как в Риме первоверховные апостолы Петр и Павел устно проповедовали Евангелие, и Матфей распространял свое, уже написанное Евангелие. Апостол Павел в последний раз прибыл в Иерусалим в 59 году (Деян. 9, 21; 21, 15—18; Галат. 1, 18—19) и никого из апостолов там не застал, кроме Иакова, брата Господня; следовательно, ап. Матфей в этом году в Иерусалиме уже не был, он ушел из Иерусалима раньше этого года, следовательно, и его Евангелие было написано раньше этого года. Свящ. Т. Буткевич, на основании выводов Кейма (*Geschichte Jesu*) устанавливает другую дату написания Евангелия Матфея: он говорит, что арамейское Евангелие Матфеем было написано спустя двенадцать лет после Крестной смерти Христа, во второй половине первого века, и, во всяком случае, не позже 69 года по Р. Х. оно было переведено на греческий язык¹¹.

¹ Творения св. Иоанна Златоуста. Беседа на Евангелие от Матфея IV. «Думаю, — говорит он, — что Матфей прежде других писал Евангелие».

² *De viris illustribus*, cap. III, p. 9.

³ «О согласии евангелистов», I, 2.

⁴ Творения св. Иоанна Златоуста. Беседы — 1, 3.

⁵ См. Лекции Н. Н. Глубоковского, стр. 284.

⁶ См. цит. соч. проф. епископа Василия (Богдашевского), стр. XXXV Введения.

⁷ Благовестник Феофилакта Болгарского. Толкование на Евангелие от Матфея. Предисловие.

⁸ Евфимий Зигабен. Толкование на Евангелие от Матфея.

⁹ *Nicefori Kallisti*, I, II, cap. 45, p. 106.

¹⁰ См. лекции Н. Н. Глубоковского, стр. 235.

¹¹ «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа», СПб., 1887, стр. 145.

О времени написания Евангелия от Матфея заслуживает внимания и мнение епископа Василия (Богдашевского), который говорит, что, согласно свидетельству св. Иринея, первое Евангелие не могло появиться раньше 61 года (*terminus ab quo*), когда, по наиболее вероятной хронологии, ап. Павел прибыл в Рим; с этого только времени и возможна была его совместная деятельность здесь с ап. Петром; с другой стороны, оно не могло быть написано позже 67 года (*terminus ad quem*), когда, по всей вероятности, последовала мученическая кончина апостолов. Епископ Василий выражение св. Иринея «после отшествия апостолов» понимает не в смысле отправле-

В самом Евангелии мы имеем на этот счет лишь такие указания: так, говоря о самоубийстве Иуды и о покупке на возвращенные им деньги земли горшечника, евангелист прибавляет: «темже наречется село то, село крове до сего дне» (Мф. 27, 8), а описывая обстоятельства Воскресения Христова, замечает: «промчется слово сие во иудеех даже до сего дне» (Мф. 28, 15). Из этих сообщений видно, что написание Евангелия отделял какой-то более или менее значительный промежуток времени от описываемых событий. Не менее важно отметить, что пророчесственная речь Спасителя о судьбе Иерусалима и храма (Мф. 24) изложена в Евангелии от Матфея так, что политическая катастрофа для Иудейского народа мыслилась как событие ожидаемое, а еще не совершившееся, и если бы разрушение храма и гибель Иерусалима были бы тогда уже совершившимся фактом, то, несомненно, это событие нашло бы отражение в Евангелии от Матфея. Отсюда заключаем, что Евангелие несомненно написано до разрушения Иерусалима (*ad quem*), то есть до 70 года.

Судьба священного иудейского города, так трогательно описанная в пророчесственной речи Спасителя, не говорит ли за то, что Иерусалим, некогда бывший центром и средоточием политической и церковной жизни богоизбранного народа, был местом и первоначальной апостольской деятельности евангелиста-мытаря, до ухода его «к другим народам»? А отсюда решается и вопрос о месте происхождения письменного апостольского труда Матфея: Обетованная Земля и, всего скорее, священная столица ее Иерусалим — вот место написания Евангелия от Матфея. С этим мнением о месте написания Евангелия от Матфея согласны все авторитеты, за исключением немецкого ученого Делича, который, на основании выражения Евангелия «Иисус... прейде от Галилеи и прииде в пределы иудейския, об ѓн пол Иордана», заключает, что Евангелие якобы было написано в Перее (Мф. 19, 1). Однако ближайший смысл этого текста говорит за то, что здесь речь идет не по отношению к положению писателя, а по сравнению с пребыванием Спасителя в Галилее и указывается направление пути, по которому Господь пришел в Иудею¹.

Читатели, для которых было предназначено Евангелие, были, конечно, соотечественники евангелиста Матфея и, прежде всего, палестинские иудеи, обращенные ко Христу, как об этом говорят древние свидетели — Ориген, Евсевий, Иероним и св. Иоанн Златоуст. Последний замечает, что сами верующие просили Матфея письменно изложить то, чему он учил устно². В этом смысле говорит и св. Ириней: «Евангелие от Матфея написано для иудеев, ибо они особенно ожидали Христа из семени Давидова». Такое предназначение Матфеева труда для христиан из иудеев подтверждается его содержанием. Главная цель написания этого Евангелия состояла в том, чтобы показать, что Иисус есть Христос, Мессия, обетованный в Ветхом Завете и предсказанный пророками. Удовлетворяя страстное желание своих соотечественников видеть пришествие Мессии, евангелист стремится показать им исполнение ветхозаветных пророчеств в Иисусе Христе; поэтому у него в Евангелии пророчества и исполнение их становятся в тесную

ния первоверховных апостолов Петра и Павла на дело вселенской проповеди, а в смысле их кончины. Кратко сказать, епископ Василий устанавливает следующие границы времени для написания Евангелия: 61—67 годы. См. его «Опыт по изучению Священного Писания Нового Завета», вып. второй, Киев, 1911, стр. 107—108, а также «Послание ап. Павла к Ефесянам», Киев, 1904, стр. 252—253, прим. С этой датой написания Евангелия от Матфея в границах времени 61—67 годов, то есть до разрушения Иерусалима и храма, солидарен и епископ Михаил. См. в его «Толковом Евангелии» — «от Матфея». М., 1884, предисловие, 4, стр. 10.

¹ См. Лекции Н. Н. Глубоковского, стр. 237.

² Творения св. Иоанна Златоуста, т. VII, Беседы на Евангелие от Матфея. I-я.

связь, вследствие чего главные события из жизни Господа он заключает словами «сие же все бысть, да сбудется реченное от Господа пророком, глаголющим» (1, 22 и др.).

Помимо идейного содержания, отвечавшего мыслям и чаяниям иудеев, и некоторые особенности этого Евангелия показывают, что оно предназначено было для читателей, которые хорошо знали и топографию Палестины, и ее религиозно-бытовые обычаи, воспитаны были на Моисеевом обрядовом законе и к тому же придерживались так называемых «преданий старцев». С особой выразительностью показаны в Евангелии моральные иудейские воззрения, подчеркивается обязательность для всех исполнения предписаний богослужебного ритуала: посещение синагог, Иерусалимского храма и т. п. Все это говорит за то, что свое Евангелие св. Матфей написал для новообращенных христиан из иудеев, как палестинских, так и иудеев рассеяния, для которых очень важно было знать, что «Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого» они «распяли» (Деян. 2, 36).

IV. Учение евангелиста Матфея о Лице Христа Спасителя

По признанию большинства исследователей, Евангелие от Матфея с литературной точки зрения, представляет собой цельное, связанное произведение, в котором основная идея, проходя через весь этот труд, раскрывается во всем содержании повествования, цементирует отдельные его части в одно органическое целое. Такой идеей, составляющей сущность нашего первого канонического Евангелия и отличающей его от других синоптических Евангелий, является учение об Иисусе Христе, как о Мессии, предсказанном пророками и в Своей Мессиианской деятельности осуществившем религиозно-нравственный идеал ветхозаветной теократии¹.

Он — Мессия-Христос, воплотивший в Себе идеал служения Своему народу — Израилю, и не только ему, но и всем людям, «сидящим во тьме и сени смертной», то есть язычникам (Исаии 9, 2), а отсюда Он — не только Мессия еврейский, национальный, но и вселенский («шедше научите вся языки») и Божественный — вот девиз, с которым евангелист Матфей приступил к написанию своего евангельского труда. Отсюда понятно, какое значение имеет в Евангелии от Матфея лицо и служение Мессии — Господа Иисуса Христа. Оставляя в стороне все разнообразие и богатство красок, которыми автор-евангелист живописует образ Мессии-Христа, нельзя не видеть, что основным фактором для изображения Христа у св. Матфея является еврейское представление о Мессии, образовавшееся на почве библейско-теократических понятий: евангелист Матфей проникнут идеалами избранного народа. Он твердо стоит на ветхозаветной почве. Он рисует образ Мессии — носителя мессиианских чаяний и подлинного осуществителя их.

Уже в первой главе своего Евангелия (а она может служить как бы введением во все его Евангелие) св. Матфей предпосылает образ Мессии-Христа, говорит о его предназначении при самом вступлении Его в мир.

«Книга родства Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамля» (Мф. 1, 1).

Этими начальными словами своего Евангелия писатель, очевидно, хочет внушить читателю, что Иисус Христос есть семя Авраамово, потомок Давида, из славного рода которого, согласно древнему пророчеству, должна была произойти Отрасль из корене Иесеева и ветвь произрасти от корене его (Исаии 11, 1), т. е. Он — Человек, Сын Своего

¹ Проф. М. Муретов. Четвероевангелие. «Богословский вестник», 1899, январь, стр. 157.

народа, еврейского народа, и в то же время Он — Эммануил, «еже есть сказано: с нами Бог». «Родит же Сына, и наречеша имя Ему Иисус; Той бо спасет люди Своя от грех их» (Мф. 1, 21). Слово Иисус (по-еврейски *Jeschua*) значит Бог Спаситель, или, просто, Спаситель. В приложении ко Христу, оно имеет особенное значение, так как заранее указывает на духовный характер Его служения. Но Он и Христос, что значит Помазанник; слово это равносильно еврейскому *Maschiach* — Мессия, почему Иисус и называется то Христом, то Мессией (ср. Иоан. 1, 41; 4, 25). Имя Христа-Мессии-Помазанника по преимуществу и усваивается Иисусу, как осуществившему в Себе идеал служения ветхозаветного царя, пророка и первосвященника и получившего не мерою дары Святого Духа (Иоан. 3, 34)¹. Как осуществивший в Своем лице идеал мессианского служения Иисус Христос по изображению евангелиста является воплощением и осуществлением тех светлых предначертаний, которые заложены были в ветхозаветной теократии и составляли душу ее. Вся ветхозаветная история богоизбранного народа ярко и выразительно свидетельствовала о том, что Он — Мессия, начало и завершение того процесса, который составляет всю историю домостроительства спасения человечества. Эту мысль св. Матфей и хочет внушить своим читателям, когда говорит, что Христос есть обетованный пророками Мессия. В нем дано воплощение обетованного идеала. Теперь этот обетованный в Ветхом Завете идеал в повествовании Матфея выступает и действует как живая реальная Личность, что евангелист подтверждает многочисленными ссылками на ветхозаветные пророчества и обетования². Христос, по Евангелию от Матфея, уже не только предначертанный, а подлинный, исторически действительный Мессия: в живом человеческом образе реализуется обетованный Искупитель. В словах ангела Иосифу Обручнику священный писатель подчеркивает эту истину: «Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого» (Мф. 1, 20). В то же время Он и Сын Марии, Первенец (Мф. 1, 25), и Бог, ибо «нарекуют Ему имя Эммануил». Он Бог — и среди нас. Он — Богочеловек. Такими возвышенными чертами изображает Мессию-Христа евангелист. По сравнению с образом Христа у других евангелистов-синоптиков, Матфей рисует Христа в полноте человеческого существования, в полной исторической ясности, как Человека и Эммануила.

Это одна из существенных черт, какими евангелист представляет Христа, и нигде Иисус не рисуется в Своем человеческом явлении более ясно и подробно, чем под пером апостола-мытаря, который, в качестве священного писателя, издавна символически изображался в виде ангелоподобного человека, а само Евангелие его, по удачному выражению одного схолиаста, излагает Рождество Христово по человечеству и само оно человекоподобно³. Будучи воплощенным Мессией, Господь во всех обстоятельствах Своего служения человечеству, в словах, делах, в учении являет самым делом осуществление пророческих о Нем предсказаний. От Его рождения до Крестной смерти священный писатель интерпретирует события евангельской истории под углом исполнения в них древле определенного, древле реченного. Причем и сама деятельность Христа направлена на то, чтобы исполнить это реченное («Да сбудется реченное» — 1, 22; 2, 15, 23), и эту обязательность евангелист особенно подчеркивает всякий раз, когда усматривает провиденциаль-

¹ «Толковое Евангелие» епископа Михаила. Евангелие от Матфея. Примечание, стр. 15, 16.

² Более 93 ссылок из Ветхого Завета приводит св. Матфей в своем Евангелии, показывая тем, с одной стороны, идейную связь двух Заветов и с другой, подтверждая свой основной тезис о том, что Иисус Христос есть осуществление ветхозаветного идеала. См. Н. Н. Глубоковский. «Евангелия и их благовестия о Христе Спасителе и Его искупительном деле». София (Болгария), 1932, стр. 85, прим. 1.

³ См. Лекции проф. Н. Н. Глубоковского по Новому Завету, стр. 243.

ный характер евангельских событий. Этой зависимости «реченного» от исполнения требует само понятие «пророчество»: раз оно сказано чрез пророка, как непреложное слово Божие, оно должно непременно исполниться, ибо не может быть разрыва между тем, что написано в книгах пророческих, и Тем, Кто существовал прежде мира и Кто, по Евангелию, пришел на землю и действовал и учил и Которого описывает Матфей, как Мессию. Этот Мессия возвышается над всей историей, и Он есть Исполнитель всего того, что было предречено о Нем.

В Евангелии от Матфея Личность Христа представлена многогранно: с одной стороны, Он осуществляет слово пророка, ибо Господь — Судия наш, Господь — Законодатель наш, Господь — Царь наш, Он спасет нас (Исаии 33, 22); с другой стороны, Он — сын скромного плотника из Назарета, который, может быть, делал плуги для пахарей и скромную обстановку для убогих назаретских хижин. Но и в этой концепции Божественного и человеческого евангелист изображает Христа Законодателем, Пророком и Царем искупленного Им народа, вечным Первосвященником.

По мысли евангелиста, Господь не только Божественный Учитель, учащий со властью, а не как книжники и фарисеи (Мф. 7, 29), провозглашающий новое, доселе неслыханное учение, но Он и Законодатель, утверждающий для человечества новые законы нравственной жизни: с Горы блаженств Господь провозгласил великие принципы христианского общества (Мф. 5—7 гл.). При поверхностном взгляде эти новые, провозглашенные Христом, нормы христианской жизни как будто стоят в противоречии с ветхозаветными нормами: «Вы слышали, что сказано древним? А Я говорю вам...» Однако при более глубоком рассмотрении оказывается, что эти новые принципы провозглашаются не для того, чтобы отвергать старое, — ибо, как говорит Сам Господь: «Не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17), — а для того, чтобы одухотворить эти старые, обветшалые нормы, влить в них другое, новое содержание, ибо как не вливают новое вино в мехи старые, так и ветхозаветные нормы должны уступить место новым, евангельским заповедям. Господь — вообще не против Закона, Он во всем подчиняется Закону и установившимся обычаям Своего народа: «Истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не пройдет из Закона, пока не исполнится все» (Мф. 5, 18), этими словами Он исповедует неизбежность существовавших основ ветхозаветного Закона. Если Господь и нарушал субботу, исцеляя «всяк недуг и всяку язю в людех» (Мф. 4, 23), то это делалось во имя высшего нравственного закона, закона любви к ближнему, страждущему, обремененному невзгодами (см. Мф. 11, 28). «Если бы вы знали, что значит «милости хочу, а не жертвы», — говорил Господь (Мф. 12, 7). А посему и основною деятельностью Господа, в изображении евангелиста, является исполнение всякой правды (Мф. 3, 15).

Господь — Пророк, но в особом, высшем смысле и величии этого служения. Он не просто видит будущее; и до Него пророкам были даны предведение и дар предсказывать будущее; для Него будущее есть в то же время и настоящее, в каждый момент Своего Божественного самосознания Он воспринимает действительность вне всяких ограниченных рамок времени: зрит на все, так сказать, *sub specie aeternitatis*. «От Божественного Его взора ничто, даже самое отдаленное, не скрыто: Он не только знает будущее, но как Всеведущий предвидит и последствия этого будущего»¹. Он предсказывает о грядущих Своих

¹ По выражению Н. Н. Глубоковского, Христос был Пророком адекватного действия, т. е. Он предсказывает будущее с такой уверенностью, что оно непременно должно некогда стать столь же реальным, как и само предсказание. — Н. Н. Глубоковский. «Евангелия и их благовестия о Христе Спасителе и Его Искупительном деле», София (Болгария), 1932, стр. 87.

страданиях, но уже провидит и величие Своего дела в самом даже уничтожении (Мф. 16, 21—28). А красоту, величие и блеск, средоточие ветхозаветной теократии — Иерусалимский храм Он видит в «мерзости запустения». Горчичному зерну — Своей Церкви, Своему малому стаду Он обещает рост и распространение по лицу земли (Мф. 13, 31—32). В конце Своего служения Он возвещает, что проповедано будет Евангелие Царствия по всей вселенной (Мф. 24, 14). О наступлении нового Царства — «пакибытия» (Мф. 19, 28), Царства Славы, уготованного праведникам «от сложения мира» (Мф. 25, 34), Он говорит как о событии еще грядущем, но изображает это с такой поразительной яркостью и конкретностью, что оно кажется близким (Мф. 25, 31—46).

Он — Пророк и по суду народа Иудейского (Мф. 21, 11).

Стоя на почве иудейских теократических воззрений на служение Мессии, евангелист изображает Христа преимущественно как Мессию Израильского, Избавителя Своего народа, — «Несмы послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилеву» (Мф. 15, 24), в таком же смысле дана Им заповедь и апостолам: «Идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 10, 6). Христос-Мессия — Лицо историческое и в том смысле, что Он в Своем Лице воплотил все лучшее, что было в истории и учении избранного народа. Он — Сын Давида, Он — Царь Израилев, в этом смысле Он — Мессия национальный, еврейский. Однако Царь Израиля Он не в духе ложномессиянских чаяний фарисеев и книжников. Величие Его не исключает Его внешнего уничтожения, ибо это величие не мирского, земного характера, а превышает всяких ограничений. Поэтому Он борется с фарисейской ограниченностью в понимании ими Мессии. Они ожидали Мессию — земного царя и завоевателя, сильного своим внешним величием, облеченного силой и властью творить чудеса для устройства политического и житейского благополучия еврейского народа, ждали избавителя от ненавистного римского ига и т. п. Вот на этой почве непонимания и нежелания понять со стороны вождей еврейского народа истинного значения Лица Мессии и сущности Его служения человечеству и выросла та страшная трагедия, которая привела истинного Иудейского Мессию к Голгофе. Таким образом пред нами огромная противоположность между Христом-Мессией, каким изображает Его евангелист в своем Евангелии, и той действительностью, которая в лице фарисеев и книжников приняла Христа. Вот в каких контрастах рисует образ Христа евангелист в своем Евангелии: Христос рождается в безвестности, в глухом Вифлееме, но так написано чрез пророка (Мф. 2, 5—6). Однако мудрецы с Востока приходят к Нему для поклонения и приносят Ему дары (Мф. 2, 11). Отрочество и юность Его протекают в «презренном» Назарете, «да сбудется реченное чрез пророков» (2, 23). Он умален до полного уничтожения, но уже Исаия это предвидел: «Он взял на Себя наши немощи и понес болезни» (Мф. 8, 17; Исаии 53, 4). Его путь лежит на Голгофу, и Он идет туда, как писано о Нем (Мф. 26, 24). Его рождение предвзвешено чудесной звездой (Мф. 2, 2). Его колыбель в яслях воспели в небе сонмы ангелов, которые в дальнейшем Ему служат (Мф. 4, 11). При Его смерти церковная завеса, символизировавшая средоточие между Богом и людьми, разрывается надвое, содрогается земля и меркнет солнце, гробы отверзаются и отдают своих мертвецов воскресшими (Мф. 27, 51—53). Его Воскресение благовестуется ангелом (Мф. 28, 2, 6). И, казалось бы, столь дивные события в жизни Мессии-Христа не должны ли были открыть глаза закоренелым в своих предрассудках и в консерватизме вождям еврейского народа на истинное Лицо Иисуса из Назарета и обратить их сердца к Нему? Но этого не случилось, — Он был унижен, поруган и отвержен ими... И за это духовное ослепление Господь обличает фарисеев и книжников на каждом шагу, поражает их гневом и изрекает им восьмикратное горе (Мф. 15, 7—9;

21, 31—32; 23, 1—36). Отчего же произошло такое непонимание мессиянского идеала и озлобление против Христа-Мессии со стороны вождей Израильского народа и самого народа? Объяснение этого события, что иудеи распяли своего Царя, надругались над Ним и приняли за это неслыханное преступление страшную ответственность на себя и на своих чад: «Кровь Его на нас и на чадех наших»¹ (Мф. 27, 25), евангелист указывает в «каменном» сердце тогдашних иудеев. Суровыми, но правдивыми чертами изображает евангелист религиозно-нравственное состояние своего народа, воспитанного не в лучших традициях своего славного прошлого, национально-теократического, а в развращенном, безнравственном и лицемерно ханжеском обрядоверии. Мессиянский идеал извратили. Вокруг Закона, который стал мертвой буквой, возвели ограду неписанных «преданий старцев», которые возложили на простой народ «бремена тяжелые и неудобносымые» (Мф. 23, 4), «затворили Царство Небесное человекам, ибо сами не входят и желающих войти не допускают» (Мф. 23, 13). Зато уже и секира висит над их головами (Мф. 3, 10). «Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?» — так говорят вождям и руководителям еврейского народа и предрекают им гибель Господь (Мф. 23, 33) и Его Предтеча (Мф. 3, 7). Естественно, что как ложь не терпит истины, тьма поглощает свет, так и Мессия, лучезарное Сияние (Мф. 17, 2), Слава Израиля, вызвал против Себя безумную ярость и свирепое озлобление Своих врагов, предавших Его на смерть.

Однако эта трагедия, этот Голгофский Крест не противоречит мессиянскому служению. Скорби, страдания — неотъемлемый элемент всего искупительного служения Христа (Мф. 16, 21; 17, 22, 23), потому что Христос есть Мессия Божественный. Его миссия есть дело общечеловеческое, вселенское, предусмотренное планом божественного домостроительства о спасении человечества, и евангелист с присущей ему яркостью и выразительностью говорит в конце своего повествования об этой общечеловеческой, вселенской миссии Христа, — теперь глагол Божий обращен Иисусом Христом ко всему человечеству, не к одному только Израилю, и Царство Небесное проповедуется всем народам (Мф. 28, 19). Спаситель пророчесственным взором видит, как «мнози от восток и запад придут и возлягут со Авраамом и Исааком и Иаковом во Царствии Небесном, сынове же Царствия изгнани будут во тьму кромешную; ту будет плачь и скрежет зубом» (Мф. 8, 11—12). И такая всемирная проповедь была вполне закономерна, ибо богоизбранный народ и его руководители не сотворили плодов, достойных покаяния (Мф. 3, 8), к чему призывал их еще Предтеча Господень, и поэтому отнимется от них Царство Божие и дастся «народу, приносящему плоды его» (Мф. 21, 43), хотя сыны Авраама ближе других стояли к Царству благодати.

Движущей силой этой перемены — отторжения одних (евреев) и призвания других (язычников) — служит вера в Господа Иисуса Христа, как истинного Мессию, Избавителя и Искупителя человечества; вот почему Господь хвалит веру язычницы-хананеянки: «О, жено, велия вера твоя! Буди тебе, якоже хочещи» (Мф. 15, 28). А глубокая вера и всецелая преданность капернаумского сотника вызвали у Спасителя признание: «Аминь глаголю вам: ни во Израили толики веры обретох» (Мф. 8, 10). Иные делатели в вертограде Господнем займут место избранного народа и своевременно отдадут хозяину плоды, — возвещает Он (Мф. 21, 41).

¹ Проф. М. М. Тареев говорит, что Голгофа была смертным приговором для иудеев, распявших своего Христа, отрекшихся от Сына Божия; разрушение Иерусалима Титом в 70-м году было исполнением этого приговора. См. «Основы христианства. Христос», Сергиев Посад, 1908, стр. 359.

V. Учение Евангелия от Матфея о Царстве Небесном

Главным предметом проповеди Христа Спасителя, по Евангелию от Матфея, является учение о Царстве Божием. «И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия» (Мф. 4, 23). Это Царство Божие проповедовалось, прежде всего, Израильскому народу как богоизбранному. Однако в представлении иудеев это Царство носило исключительно земной, национально-политический характер и в своем масштабе замыкалось узкими границами Иудейского царства. Христос провозгласил его духовным и вселенским. Узко национальному и ограниченному временем и пространством земному царству евреев Христос противопоставил Свое Царство, которое, по своему существу, есть духовно-нравственное, ибо Он пришел спасти «люди Своя от грех их» (Мф. 1, 21), и в Царство его войдут все — и иудеи и язычники, так как «все согрешили» и нуждаются в очищении и прощении грехов. Двери этого Царства открыты всякому кающемуся, ибо единственным условием вхождения в это Царство является не плотское происхождение от Авраама (как думали фарисеи — Мф. 3, 9), ни даже ветхозаветная праведность (Мф. 5, 20), каковая у фарисеев проявлялась в наружно-лицемерном исполнении Закона Моисеева и «преданий старцев», а смиренная вера, жаждущая милости, и покаяние, как неперенное условие для вступающего в это новое общество. Так, еще Предтеча начал свое служение проповедью о покаянии: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3, 2). Так же и Спаситель требовал от Своих последователей покаяния, как предварительного условия для вступления в Царство Божие, проповедуя: «Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мрк. 1, 15).

Рассматривая Евангелие от Матфея по его содержанию, нельзя не видеть, что все оно проникнуто еврейским колоритом: оно стоит в тесном отношении к национальной еврейской истории и ветхозаветной теократии; в нем с особой выразительностью описываются быт и религиозно-нравственная жизнь иудейского народа: его вера, праздники и богослужебный ритуал, обычаи, занятия. Особенно характерны в этом отношении притчи по Евангелию Матфея: в то время как внешним сюжетом для этих притчей служила окружающая Спасителя бытовая действительность, так сказать, народный фольклор, по своему идейному содержанию они имеют непосредственное отношение к проповедуемому Спасителем Царству Небесному, почему и предваряются формулой: «Царство Небесное подобно...» (Мф. 13, 24, 31, 33, 44; 20, 1; 22, 2; 25, 1).

С большой теплотой и большим патриотическим чувством описывает евангелист отношение Иисуса Христа к священному городу (Мф. 23, 37), к Иерусалимскому храму (Мф. 21, 12—13). Однако нет никакого основания считать Евангелие от Матфея отражающим тенденцию ветхозаветного иудаизма со всеми его крайностями, как это утверждают некоторые западные ученые¹. Всеобъемлющий, универсальный характер первого Евангелия не подлежит сомнению: черты духовности и универсальности Евангелия ярко выступают на страницах его и лишают его узко иудаистической ограниченности². Помимо указанных выше осо-

¹ Например, Гильгенфельд (см. его *Einleitung auf N. T.*). Ф. Баур, Швиглер и Кейм, а также Килпатрик (см. его указ. соч. *The origins of the Gospel according to St. Matthew*).

² См. об этом мнение епископа Василия (Богдашевского) в цит. его труде «Евангелие от Матфея», стр. XXX—XXXI Введения, а также взгляд проф. М. М. Тареева в его сочинении «Основы христианства», т. II, «Евангелие», стр. 25, где проф. М. М. Тареев говорит, что христианская идея выражена в Евангелии в своем историческом откровении адверсативно тому, что составляет так наз. иудаизм, но эта христианская идея была выражением той истины, которая заложена в ветхозаветной религии, и Христос пришел не нарушить Закон и пророки, но исполнить и то и другое в той мере, в какой это было необходимо для Его высокого служения.

бенностей первого Евангелия со стороны его мессианско-теократического идеала, осуществленного в лице Мессии-Христа, это Евангелие имеет и другие особенности, неповторимые ни у кого из других синоптиков. Так, экзегеты обращают внимание на то, что евангелист в определении проповедуемого Иисусом Христом нового Царства только в четырех случаях употребляет выражение «Царство Божие», а в 34 местах его повествования он употребляет другое название — «Царство Небесное», и это не случайно. По замыслу евангелиста, в этом наименовании Царства Божия Царством Небесным нарочито подчеркивается его духовный вселенский характер — отрицание в Мессианском царстве национальной ограниченности, с какой оно представлялось созданию вождей и учителей Израиля. Обращая взор своих соотечественников к Небу, к тому Царству, которое он называет Небесным, священный писатель, очевидно, хочет сказать, что это Царство исходит от Бога и, следовательно, должно иметь все свойства своего Первоисточника. Эта мысль прекрасно выражена у евангелиста в приводимой им Молитве Господней: «Да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф. 6, 10).

Так же характерно для нашего евангелиста название Бога Отцом «Иже на небесах» (Мф. 6, 9); выражение это он употребляет 15 раз и 6 раз называет Бога Отцом Небесным¹. Какую мысль вкладывает евангелист в это название Бога Отцом? Очевидно, он хочет внушить ту мысль, что Глава Царствия Божия — это не грозный Ягве и не карающий зло Адонаи, а милосердный и любящий Отец.

Анализируя Евангелие от Матфея по его идейному содержанию, как в отношении Лица Господа Иисуса Христа, так и в характеристике проповедуемого Им Царства Небесного, приходим к следующему заключению. В своем повествовании евангелист Матфей хочет показать, что Иисус из Назарета Галилейского, Потомок славных Давида и Авраама, есть подлинный, истинный Мессия-Избавитель Израиля и всего человечества, верующего в Него и жаждущего спасения. Но прежде всего, Он — Мессия Израильский, национальный; это потому, что Он — иудей по крови («Сын Давидов, Сын Авраамов» — Мф. 1, 1) и по форме Своего учения, потому что иудеям «вверена быша словеса Божия», т. е. им сообщено истинное богооткровенное познание Единого Истинного Бога; Он — Мессия Израилев, но не в смысле лжемессианских чаяний и надежд, а как воплотивший в Себе божественный идеал Спасителя, открытый некогда народу Божию. Он — Царь Израилев, но в том смысле, что Его Царство представляет высшее осуществление теократических начал, ибо, по слову пророка, Господь судит бедных по правде и дела решит по истине (Исаии 11, 4—9). Он говорит не Израилю только, а и чужим народам: «Ты — Мой народ», а они отвечают: «Ты — мой Бог!» (Осии 2, 23). Его Царство вырастает на почве ветхозаветной теократии, в этом заключается идейная связь Ветхого и Нового Заветов, но под пером евангелиста это Царство приобретает особые специфические черты, характеризующие его, как Небесное Царство, духовное по своему существу, всеобъемлющее и универсальное по масштабу. В этом Царстве все ново, все одухотворено; старое — ветхозаветное не отвергается и не уничтожается, а одухотворяется и получает новое содержание и новую форму. Закон Моисеев, данный некогда Израильскому народу и исполняемый им не по духу, а по букве, теперь становится всечеловеческим (Мф. гл. 5) и возвышеннейшим во всех своих заповедях; причем некоторые временные и имевшие воспитательный характер его постановления лишаются силы и заменяются более совершенными, например, закон о разводе, о праздновании субботы

¹ Характерно, что в Евангелии от Марка выражение «Отец, иже на небесах» имеется только в двух местах, а выражение «Отец Небесный» совсем не встречается.

(Мф. 12, 8); внешние очищения заменяются внутренним обновлением души. И, таким образом, на основании старого иудейского мира воздвигается нечто новое — Царство Небесное, как завершение всего искупительного дела Христова, а в условиях земного бытия это — Церковь, которой обещана неодолимость вратами адскими и пребывание в ней ее Основателя до скончания века (Мф. 16, 18; 28, 20). С пришествием Христа все старое, ветхозаветное как бы отмирает, теряет свое прежнее преобразовательное значение, потому что явились «не сень грядущих благ» (Евр. 10, 1), не образ, а сама Истина, к которой прообраз относился как к своему идеалу, а сам ветхозаветный Закон в деле оправдания человека теперь уже потерял свое решающее значение; как учит апостол, ослабленный плотью Закон оказался бессильным освободить человека от закона греха и смерти (Римл. 8, 2—3). Христос Спаситель сообщил людям новый путь спасения и оправдания — чрез веру и покаяние, «кончина бо Закона Христос в правду всякому верующему» (Римл. 10, 4).

VI. Евангелие от Матфея, как литературный памятник

Богодухновенный труд апостола Матфея по времени своего происхождения, согласно Преданию, является первым памятником христианской письменности; тем не менее, он представляет собой, по своим внутренним достоинствам, выдающееся произведение древней христианской письменности. Он показывает, что его автор, еврей по рождению, мытарь по профессии, под воздействием Духа Святаго в совершенстве постиг идею Мессианского служения Христа и сущность Его служения человечеству и создал труд, во всех отношениях совершенный, как по своему содержанию, так и по выполнению в соответствии с идейным замыслом самого евангелиста.

Прежде всего, Евангелие от Матфея не есть хронологическое повествование, и евангелист — не историк-хронограф. Здесь уместно припомнить слова проф. Н. Н. Глубоковского, который говорил: «Я знаю много попыток создать биографию Спасителя, но я предупреждаю, что евангелисты этой цели не имели»¹. В таком же духе высказывается и проф. Тареев². Сказанное целиком и полностью относится к характеристике труда евангелиста Матфея: труд его не монография об Иисусе Христе и не хронологически-историческое исследование. Если вообще замечено, что в описании событий евангельской истории евангелисты не всегда дают хронологическую последовательность, то это особенно нужно сказать о Евангелии от Матфея; в своем повествовании священный автор придерживается не хронологической, а прагматической последовательности и следит не за тем, когда и где происходило то или иное евангельское событие, а обращает преимущественное внимание на самую сущность описываемого события, именно, для него важно, в какой мере в событии отражается, воплощается мессианская идея. Он стремится к тому, чтобы в его повествовании непрерывно раскрывалось основное положение его учения о Христе, о Его деле, о Царстве Небесном. Не поэтому ли и Папий Иерапольский в своем сообщении о Матфее назвал его труд *λόγια* — сборник речей и бесед Господа. В них, в этих речах и беседах, по нашему мнению, евангелист и усматривает главную сущность Лица Мессии и характер Его мессианского служения; в этом же аспекте, должно быть, и Папий Иерапольский понимал содержание и смысл Евангелия от Матфея.

Как было сказано, в изложении своего труда евангелист заботится не о хронологической последовательности излагаемых им событий, а

¹ Лекции проф. Н. Н. Глубоковского, стр. 1.

² Проф. М. М. Тареев. «Основы христианства». Т. II. «Евангелие». Введение, стр. 14.

стремится к прагматическому, связанному по существу изложению, которое стоит у него в центре внимания; вот почему у св. Матфея находится обширное собрание речей, которые связаны единством главной мысли, например, 5-я, 6-я и 7-я главы содержат Нагорную беседу, в которой содержится обязательный для христианина Евангельский нравственный закон. Эсхатологическая беседа, содержащаяся в 24-й главе, представляет собой одно целое, связанное одной идеей, хотя в ней говорится о различных событиях — ближайшем разрушении Иерусалима и храма и национально-политической катастрофе еврейского народа, с одной стороны, и событиях, еще грядущих в веках. Наставление апостолам, при отправлении их на проповедь, и заповеди, относящиеся к нравственному совершенствованию христианина, идейно связаны в 10-й главе. 18-я глава содержит учение о признаках членов Церкви, о власти Церкви над преступающими христианский закон. Особенно характерна в этом отношении 13-я глава, в которой св. Матфей соединил в одно связанное целое несколько притчей разного содержания, но объединенных одной идеей — учением о Царстве Божием. Эту же идею о Царстве Небесном, его сущности и особенностях раскрывает евангелист и в других притчах, которые находятся у него в 18-й главе — об овце пропавшей, в 20—21-й главах — об обязанностях в отношении к младшим. В 22-й главе он раскрывает ту же идею со стороны благоговейного отношения верующих к Царству Божию. 25-я глава — о десяти девах и о талантах — раскрывает идею Царства Божия с точки зрения ответственности человека за свой труд, за свое служение, за использование данных ему от Бога различных духовных и физических дарований (талантов). Идейно-прагматическому содержанию Евангелия от Матфея, проникнутому одной основной идеей Мессиянского служения Господа, соответствует и план труда, — в общем, можно сказать, что план этот простой и в то же время художественно-величественный. Так, с 1-го ст. 1-й главы по 11-й ст. 4-й главы евангелист дает как бы обширное введение, в котором показывает, что по Своему Человечеству Иисус есть подлинный Потомок Давида и Авраама, Он — Сын Иосифа по закону, а по плотскому рождению — Сын Марии, и в то же время Он — Эммануил, т. е. Богочеловек, Он «спасет люди Своя от грех их», Он предвозвещен Предтечей, Он сокрушит врага спасения и станет выше всех его обольщений. Христос есть Мессия Израилев.

С 12 ст. 4-й главы по 12 ст. 14-й главы. Здесь основная идея — Христос есть истинный Мессия — раскрывается в следующих мыслях. Поселившись в Галилее, Христос проповедует «сидящим во тьме и сени смертной». В Нагорной беседе и в ряде последующих наставлений Спаситель провозглашает новые законы нового человеческого устройства, нового общества. Он свидетельствует о Себе многими знаменами и чудесами. Избранием и посольством на проповедь апостолов Он полагает начало учреждения Своего Царства на земле. Это Царство, поскольку оно не земное, а небесное и духовное, вызывает оппозицию. Тем не менее, оно должно расти и развиваться, подобно горчичному зерну и закваске, и вмещает в свои границы всех и вся: оно универсально и всеобъемлюще.

С 3 ст. 14-й главы по 28 ст. 20-й главы. В этом разделе евангелист изображает Христа как Мессию Божественного. Он — Владыка стихий, Он насыщает пятью хлебами пять тысяч человек, укрощает бури, ходит по водам. Петр исповедует Его, как Сына Бога Живаго, и хотя Он должен пострадать, но Он — «Сияние присносущной Славы» (ср. Мф. 17, 2). Царство Его чуждо всех условных форм бытия, в нем нет разделения на больших и малых, а кто хочет быть большим, да будет всем слуга.

С 29 ст. 20-й главы по 28-ю главу. Здесь Мессия Израилев, Мессия Истинный и Мессия Божественный выступает как Всемирный Избави-

тель, как вечная жертва пред Престолом Божиим, вечно спасительная для всех и всегда¹.

Итак, все первое Евангелие представляет собой неразрывное единство и законченность. Библейское по своим основным воззрениям, оно является таковым и по своей внешней форме. Стиль его весьма характерен, он показывает в нем писателя-иудея, воспитанного на Законе и пророках и привыкшего к еврейским оборотам речи. Весь труд полон особенностей еврейского слога, еврейской конструкции (ср. Мф. 27, 8, 46). Стиль Евангелия, по словам Дейсмана, также отличается особым характером: он обнаруживает монотонную торжественность, живость и картинность², а вообще Евангелие, по выражению Кейма, «производит впечатление гармонии в целом и главном, так совершенно, что автор должен быть назван новым чудотворцем, который так художественно и с внешней стороны и с внутренней слил между собой разрозненное, взаимно несвязанное и безразличное»³. Поэтому здесь совершенно неуместна попытка некоторых западных ученых считать две первые главы Евангелия от Матфея позднейшими вставками; принять такое мнение значит разрубить живой организм, потому что все Евангелие содержит одно и то же мировоззрение; одна и та же лексика, одна и та же грамматика литературно роднит целое, т. е. Евангелие, с его частями — с первыми двумя главами.

Закljučая свой очерк, мы должны сказать, что чтение Евангелия от Матфея производит на верующую душу глубокое, волнующее чувство, как все возвышенное, прекрасное; оно укрепляет веру в Божественное достоинство Господа Иисуса Христа, Которого евангелист на страницах своего Евангелия изображает Мессией — Избавителем человечества от власти греха; с особой выразительностью и любовью священный автор вкладывает в уста Божественного Учителя и Законодателя призывы к нравственному совершенствованию человека, к вступлению в новое Царство, Церковь Христову, зовет к великому подвигу служения Богу и ближним, к нравственному совершенству, предел которого в Боге: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48). Надежду на достижение этого нравственного совершенства евангелист видит в торжественном обещании Спасителя пребыть со Своими избранными до скончания века (Мф. 28, 20).

¹ Н. Н. Глубоковский. Лекции по Новому Завету. СПб., 1907, стр. 263.

² Там же.

³ Там же.